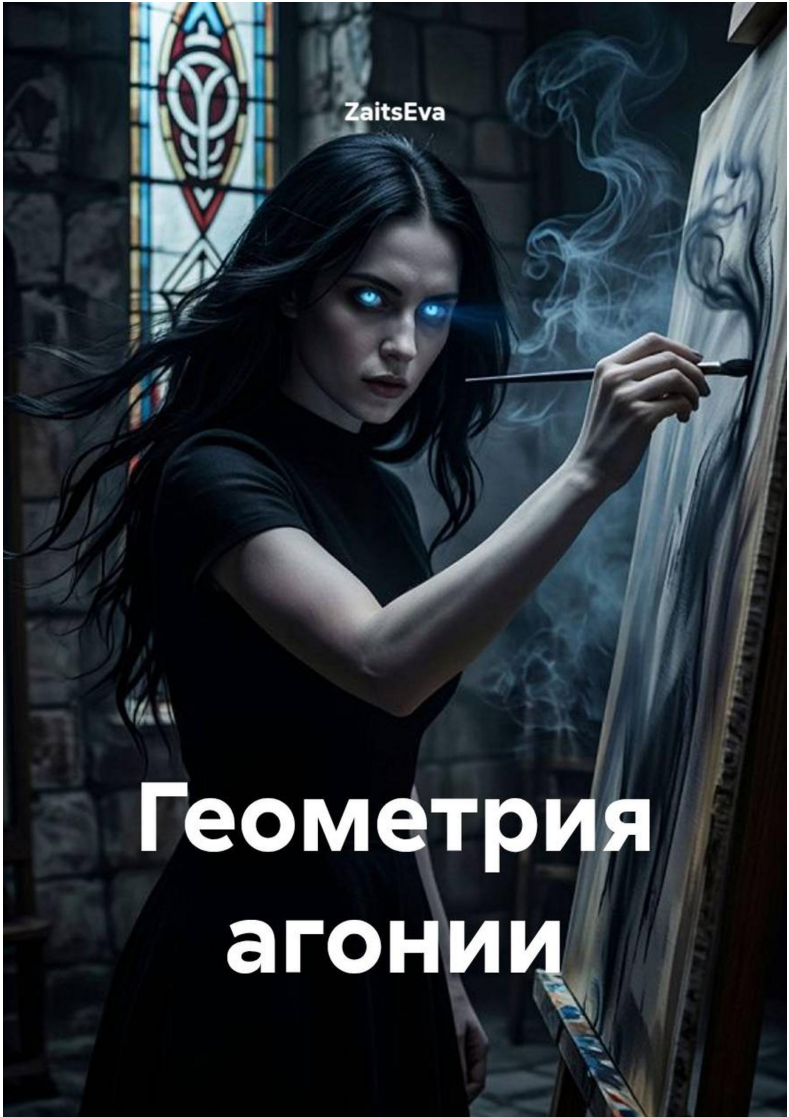
ZaitsEva
Геометрия
агонии

ZaitsEva ZaitsEva
Геометрия агонии

https://litres.ru/74751647
SelfPub; 2026

Аннотация

В королевстве Этерия магия — это валюта, а Академия «Шафрановый шпиль» — монетный двор. Лиана Вейн рисует чужую боль, потому что только через агонию других способна видеть цвета мира. Ее дар — проклятие, превратившее жизнь в черно-белый этюд.

В Академии ее берет под крыло Кай — магистр «Кремнистов», чья кожа холоднее стали, а магия питается чужой мукой. Он предлагает сделку: вырезать из ее дара всю грязь и эмоции, оставив чистую геометрию силы. Но в тенях коридоров есть другой свет — Риз, незаконнорожденный эмпат, сотканный из чужой радости. Он обещает вернуть вкус к жизни без привкуса крови.

Чтобы выжить, Лиане придется нарисовать невозможное: идеальный союз мертвого льда и пульсирующей агонии. Ей предстоит решить, что страшнее — остаться в бесцветной пустоте или сгореть дотла, позволив себе по-настоящему почувствовать этот мир. В королевстве, где чужие страдания — это хлеб, любовь становится самой разрушительной из стихий.

Содержание

Введение 5
Акт 1. Пробуждение 11
Глава 1 11
Пигмент из агонии 11
Глава 2 19
Анатомия смеха 19
Глава 3 27
Факультет шелкопрядов 27
Глава 4 35
Анатомия порядка 35
Глава 5 42
Температура плавления 42
Глава 6 50
Фарфор и киноварь 50
Глава 7 58
Архив разбитых сердец 58
Акт 2. Анатомия власти 66
Глава 8. 66
Дыхание в темноте 66
Глава 9 72
Слепое пятно 72
Глава 10 79
Формула пустоты 79

Глава 11 85
Искры на пепелище 85
Глава 12 92
Шрамы не замерзают 92
Глава 13 99
Паучье молоко 99
Глава 14 105
Вишневый сок 105
Глава 15 111
Ловушка для ректора 111
Конец ознакомительного фрагмента. 112

ZaitsEva
Геометрия агонии

Введение

«Чтобы нарисовать свет, нужно сначала выкупить его у тьмы. Краска, замешанная на слезах, сохнет дольше всего».Надпись на стене Нижнего города

В академии «Шафрановый шпиль» пахло не пылью старых фолиантов и не сладким воском, как любили хвастаться магистры перед абитуриентами. Пахло медью. Пахло старым, запекшимся на бинтах страхом. Пахло озоном, который всегда предшествует удару молнии или нервному срыву.

Лиана Вейн стояла на истертых гранитных плитах главного холла, и этот запах забивал ей ноздри, оседал на языке горьким, ржавым привкусом. Для других студентов это был лишь фон, едва уловимый аромат власти. Для нее — оглушающая какофония.

Мир для Лианы всегда делился на «до» и «после» резни в Нижнем городе. «До» она помнила смутно, сквозь дымку желтого и охры — запах жареных каштанов на рынке, липкую сладость тростникового сахара, тепло отцовской ладони. «После» мир стал черно-белым графическим этюдом. Краски выжгло. Остались только линии: острые углы крыш, гра-

фитовая грязь под ногами и лица людей, лишенные цвета, похожие на негативы. Чтобы снова увидеть красный, ей нужно было почувствовать чужую агонию. Чтобы услышать желтый — чужую панику. Ее дар был не благословением, а изощренной пыткой: она была глухой к музыке мира, пока та не переходила в предсмертный крик.

Двери академии закрылись за ее спиной с тяжелым, гулким стуком, отрезая путь назад, в трущобы.

— Вейн, — голос куратора разрезал гудящую тишину холла. — Встаньте в круг.

В центре зала возвышался «Резонатор». Не машина, не артефакт, а пульсирующая масса спрессованных человеческих эмоций, заключенная в каркас из черненого серебра. Мерзкое, липкое на вид месиво, похожее на застывший гной. Инструмент для инициации, который должен был вывернуть ее наизнанку.

Лиана шагнула в круг. Гранит под тонкими подошвами казался ледяным. Она сжала пальцы, чувствуя, как привычно хрустят суставы. Она готовилась к боли. Она жила в ней последние три года.

Куратор активировал контур. Воздух в круге загустел, стал тяжелым и сладким, как запах крови перед грозой. Серебряный каркас Резонатора пошел рябью.

Боль пришла не ударом. Она просочилась под кожу ледяной иглой, нашла каждый нерв и намотала его на раскаленную катушку. Лиана не закричала. Она просто упала на коле-

ни, царапая ногтями гранит, когда Резонатор ударил по ней первой волной — чужим ужасом утопленника, соленой водой в легких, свинцовой тяжестью в груди.

Мир взорвался.

Черно-белая графика исчезла. Краски хлынули в нее, пробивая черепную коробку. Безумный, неоновый циан слепящей паники. Токсичная фуксия чужой истерики. Багровый, густой, как смола, цвет свежей резаной раны. Они неслись сквозь нее, разрывая внутренности, выжигая легкие. Лиана захлебывалась чужими жизнями. Она видела, как плачет ребенок в трущобах, которого она оставила три года назад — цвет его слез был пронзительно-ультрамариновым. Она чувствовала, как бьется в агонии вор на виселице в Нижнем городе — его агония была цвета старого золота.

Ее вырвало желчью прямо на плиты. Тело выгнуло дугой. Она умирала, захлебываясь палитрой, которую так отчаянно искала. Пальцы сами, помимо воли, начали чертить в воздухе линии. Она не видела своих рук, но чувствовала, как из пор проступает чернильная сукровица. Она рисовала крик утопленника, и от ее пальцев в воздухе оставался светящийся след цвета индиго.

— Достаточно, — произнес холодный, лишенный эха голос.

Волна оборвалась. Резонатор втянул щупальца чужой боли обратно в свое серебряное нутро.

Лиана рухнула лицом вниз, жадно глотая воздух, воняю-

щий озоном и ее собственной рвотой. Тело казалось чужим, выжженным изнутри. Она была пуста. Пуста и абсолютно, оглушительно трезва.

Она подняла голову.Первое, что она увидела в фокусе — начищенные до зеркального блеска сапоги. Она медленно повела взглядом выше. Черные кожаные брюки, туго обтягивающие узкие бедра. Белоснежные волосы, в которых запуталась искра статического электричества.

Он присел на корточки перед ней, и Лиана физически ощутила, как из круга уходит тепло. Воздух вокруг него дрожал от мороза, превращая влагу в ее выдохе в белый пар.

Кай.

Его глаза — бледно-голубые, почти прозрачные льдинки с пульсирующей точкой тьмы в центре — смотрели на нее без всякого выражения. Он не смотрел на нее как на человека. Он смотрел на нее как на сломанный, но потенциально полезный механизм.

Он протянул руку. На его пальцах, длинных и узловатых, не было инея, но от них веяло таким холодом, что капли пота на виске Лианы замерзли, не успев скатиться.

— Встань, — сказал он. Его голос не повысился ни на октаву, но гранит под ее коленом, к которому он едва прикоснулся, покрылся сеткой тонких трещин от мороза. — Ты принимаешь цвет через боль. Это непрактично. Искажает перспективу.

Лиана отшатнулась от его руки, вжимаясь лопатками в за-

щитный контур. Она ждала, что он ударит, что он применит свою магию, вытянет из нее остатки тепла, как делал это с десятками других студентов на ее глазах.

Но Кай просто смотрел. И от его взгляда — от этого абсолютного, мертвого спокойствия — паника внутри Лианы начала утихать. Не потому, что он ее успокоил. А потому, что рядом с ним паника казалась чем-то… теплым. Слишком живым. А Кай не терпел ничего живого.

— Твой дар — это грязь, Вейн, — ровно продолжил он, не убирая протянутой руки. — Ты рисуешь истерикой. Но из истерики не построить империю.

Он щелкнул пальцами. Воздух вокруг Лианы на мгновение стал обжигающе ледяным, вышибая из легких остатки чужого крика. А когда холод схлынул, ушла и дрожь. Ушла тошнота. Осталась только звенящая пустота в голове и кристальная ясность.

Кай медленно опустил руку. На кончиках его пальцев, там, где они почти коснулись ее плеча, темнели влажные пятна — он забрал ее страх себе, и теперь его собственная кровь на мгновение стала ледяной водой.

— Мы научим тебя рисовать геометрией, — сказал он, выпрямляясь во весь свой пугающий рост. Боль не искажала его черты, она просто не могла к ним прикоснуться. — Болью будешь заниматься на факультативе. Я прослежу.

Он развернулся, и его белоснежные волосы поймали тусклый свет магических сфер холла, вспыхнув серебром. Он по-

шел прочь, оставляя за собой на влажных от ее рвоты гранитных плитах тающий темный след — отпечаток его подошв, выжженный холодом.

Лиана осталась сидеть на полу. Она поднесла к глазам свои руки. Чернильная сукровица на пальцах уже запеклась. Но когда она сжала кулак, кожа на внутренней стороне предплечья — там, где под шрамами спал ее незаконченный пейзаж — налилась тяжелым, темно-синим свечением.

Она посмотрела в сторону закрывшихся дверей, за которыми остался ее мертвый, бесцветный Нижний город.А потом перевела взгляд на белую фигуру Кая, исчезающую в тени северного коридора.В академии «Шафрановый шпиль» начинались занятия. И Лиана Вейн только что поняла, что запах меди и запекшегося страха — это еще не самое страшное, что здесь есть. Самое страшное пахло озоном, ледяной пустотой и обещало абсолютную, математически выверенную безопасность.

Акт 1. Пробуждение

Глава 1

Пигмент из агонии

Запах Нижнего города въедался в кости. Смесь гниющей рыбы, паленой шерсти и дешевой курительной смолы. Для обычного человека это была вонь. Для Лианы Вейн — палитра. Гниль отдавала болотной зеленью, страх перед квартальным — мутно-серым, как пыль на дне сундука, а ярость торговки, у которой украли корзину, вспыхивала в воздухе едким, лимонно-желтым облачком.

Последние три года Лиана жила в этой сепии. Краски исчезли в тот день, когда патруль «Кремнистов» прошелся по их улице, выкачивая радость из квартала, чтобы оплатить чьи-то имперские амбиции. С тех пор мир для Лианы был наброском углем. Линии, тени, отсутствие цвета. Чтобы увидеть красный, ей нужно было сломать кость. Чтобы увидеть золото — услышать предсмертный хрип.

Она сидела на перевернутом ящике в своей крошечной каморке под крышей доходного дома и втирала в старый холст смесь сажи и льняного масла. Рисовала она не то, что

видела глазами. На холсте корчился серый силуэт — вчерашний самоубийца с Рыбного моста. Лиана не видела его лица, но чувствовала свинцовую тяжесть воды в его легких, и эта тяжесть ложилась на холст густым, рельефным мазком.

Дверь содрогнулась от удара. Не стука — именно удара, тяжелого, властного.

— Вейн. Открывай. Патруль.

Голос был лишен эха. Лиана знала этот голос. Голос, от которого в радиусе трех шагов замерзает роса.

Она открыла. На пороге стоял Кай.

Сегодня он был не в черной инквизиторской коже, а в строгом академическом мундире «Кремнистов» — темно-графитовом, с серебряной нитью. На его груди мерцал значок магистра-наблюдателя. Он был пугающе красив той красотой, которой обладают острые предметы. Идеальная симметрия, бледная кожа, не знающая солнца, и глаза цвета талой воды.

Кай шагнул в комнату. Сажа в плошке на столе мгновенно затвердела от холода.

— Твой контракт выкуплен, — сказал он, не глядя на нее. Его взгляд скользил по каморке, оценивая углы, слабые места кладки, пути отхода. — Короной.

Лиана сглотнула. Комиссия по надзору за одаренными редко выкупала контракты у Нижнего города. Обычно они просто забирали детей, а родителей находили потом в каналах.

— С какой стати? — голос прозвучал хрипло. — Я рисую грязь. Я не создаю оружие.

Кай наконец посмотрел на нее. Его зрачки — две точки абсолютной тьмы — расширились, поглощая почти всю голубизну радужки.

— Твоя грязь только что предсказала взрыв парового котла в мануфактории герцога Орвина. Картина, которую ты продала скупщику два дня назад. На ней котел разорван изнутри. Взрыв произошел час назад. Погибло двенадцать человек. Герцог в ярости. Академия забирает всех провидцев.

Лиана посмотрела на свой мольберт. На сером холсте не было никакого котла. Там был только человек, тонущий в серой воде.

— Я не рисую машины, — прошептала она. — Я рисую людей. Я рисую то, что они чувствуют, когда умирают.

— Для «Кремнистов» нет разницы, — отрезал Кай. — Боль парового котла и боль человека имеют одинаковый алхимический вес. Собирайся. У тебя есть три минуты.

Он не собирался ее арестовывать. Он пришел за ней, как приходят за редким, опасным зверем.Лиана не стала спорить. Спор с Каем требовал эмоций, а ее эмоции стоили слишком дорого. Она накинула на плечи единственное шерстяное пальто — выцветшее, бурое. Сунула в холщовую сумку тюбик с киноварью, который берегла как яд, и пару заточенных углей.Когда она выпрямилась, Кай стоял вплотную. Он был выше ее на полголовы. От него пахло озоном и сте-

рильностью.

— Твоя чувствительность — это дефект, Вейн, — тихо произнес он, и от его дыхания иней осел на ее бровях. — Ты пропускаешь мир через себя. Это делает тебя великой художницей и никудышным инструментом. В «Шафрановом шпиле» тебя научат фильтровать.

— Я не хочу фильтровать, — она подняла на него свои янтарные, звездчатые глаза. — Если я отфильтрую боль, я перестану видеть цвета. Я снова ослепну.

Кай медленно протянул руку. Он не предлагал помощь. Он брал то, что принадлежит короне. Его пальцы — длинные, узловатые, с посиневшими от холода кутикулами — коснулись ее подбородка.

Лиана задохнулась.

Это не было похоже на лед. Лед обжигает. Это было абсолютное отсутствие. Кай вытягивал из нее тепло не как вор, а как вакуум. Он забирал дрожь в ее коленях, тошноту от запаха его мундира, остаточную горечь сажи во рту. Он забирал ее человеческую, теплую, несовершенную панику.

Взамен в груди разлилась звенящая пустота. Кристалл. Лиана вдруг увидела его лицо с пугающей, анатомической четкостью. Каждая пора, каждый белый волосок, каждая трещинка на обветренных губах. Мир стал слишком резким.

— Вот так, — сказал Кай, убирая руку. На его пальцах не осталось инея, но Лиана знала, что сейчас он уносит ее страх в себе. — Бесстрастно. Теперь ты готова к академии.

***

«Шафрановый шпиль» давил на барабанные перепонки. Если Нижний город кричал, то Академия шептала. Шепот шел от стен — старых, пропитанных вековыми эманациями. В главном холле, куда ее привел Кай, пахло озоном и формалином.

В центре зала, на возвышении из черного мрамора, пульсировал Резонатор.

Это была не машина. Это был живой сгусток концентрированного отчаяния, заключенный в клетку Фарадея. Он дышал. Он менял цвет от мертвенно-фиолетового до гнойно-зеленого.

— Инициация, — бросил Кай, толкая ее в спину к кругу, начертанному серебром на полу. — Стандартная процедура. Выживешь — станешь студенткой. Сломаешься — станешь топливом для Резонатора.

Круг замкнулся с тихим шипением. Лиана оказалась в ловушке.

Кай отошел к кафедре наблюдателей, скрестив руки на груди. Он выглядел как мраморное изваяние. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

Резонатор ударил первым.Это не была волна. Это был прокол. Тонкая, раскаленная игла прошила лоб Лианы и вошла прямо в зрительный нерв.

Она не закричала. Она рухнула на колени, потому что ноги перестали ее держать. Боль не была ее собственной. Это

была агония тысячи людей, спрессованная в одну секунду. Сгоревшие на кострах еретики. Утонувшие моряки. Женщины, умирающие в родильной горячке.

Цвета хлынули в нее, как кровь из вскрытой артерии.

Багровый. Ультрамариновый. Чернильно-черный. Они неслись сквозь нее, разрывая сосуды, вымывая из костей остатки ее собственной личности. Лиана чувствовала, как ее зубы крошатся от давления. Она открыла рот, чтобы вдохнуть, но в легкие ворвался чужой хлороформ.

Ее пальцы. Она не помнила, как сжала их в кулак. Но когда разжала, на ладонях проступила черная, вязкая жидкость. Ее собственная магия. Кровь, ставшая пигментом.

Она начала рисовать.

Прямо на серебряном барьере круга. Ее пальцы, светящиеся изнутри темно-синим, скользили по воздуху, оставляя светящиеся шрамы. Она рисовала то, что видела внутри Резонатора. Не лица. Структуру. Геометрию боли.

— Интересно, — раздался голос Кая. Он не изменился в лице, но Лиана, сквозь пелену агонии, увидела, как на его скуле проступила тонкая, едва заметная алая жилка. — Она не защищается. Она копирует.

Боль достигла апогея. Мир Лианы схлопнулся в одну точку — в пульсирующий черный зрачок Резонатора. Она умирала. Это было не страшно. Это было оглушительно громко.

А потом — щелчок.Словно лопнула перетянутая струна.Резонатор отключился.

Лиана упала лицом вниз, в вонючую лужу собственной рвоты и черной слизи. Тело горело, замерзало и не существовало одновременно. Она была пуста. Выпотрошена.

Сквозь звон в ушах она услышала шаги. Твердые, ритмичные.Тяжелые сапоги остановились в дюйме от ее головы.

Она подняла взгляд.

Кай стоял над ней. Он больше не был просто бледным. Он был белым, как гипсовая маска. Его волосы, обычно лежавшие идеально, сейчас стояли дыбом, потрескивая от остаточного напряжения. Темная точка в его глазу пульсировала, как сердце.

Он медленно опустился на одно колено. Это движение далось ему с видимым трудом, словно он прорубал себе путь сквозь невидимую стену.

Он протянул руку.

— Встань, — его голос впервые дрогнул, в нем появилась едва уловимая хрипотца. — Твоя техника рисования… она разрушительна. Ты едва не сожгла свои синапсы.

Лиана смотрела на его руку. Она знала, что если примет ее, то получит еще одну дозу его мертвого спокойствия. Но сейчас, лежа в собственной грязи, она поняла, что этот холод — единственное, что не дает ей рассыпаться в прах.

Она вложила свою измазанную черным пигментом ладонь в его.

Ледяное прикосновение Кая не обожгло. Оно заморозило рану. Агония отступила, оставив после себя звенящую, хи-

ургическую ясность.

Кай сжал ее пальцы. Его хватка была стальной.

— Добро пожаловать в «Шафрановый шпиль», Вейн, — сказал он, помогая ей встать. — Твоя первая оценка — «выжила». Я прослежу, чтобы в следующий раз ты получила «превосходно».

Он развернулся, увлекая ее за собой из круга. За его спиной, на серебряном полу, медленно гасли светящиеся линии — ее первый рисунок в Академии. Геометрия чужой агонии, переписанная ее собственной кровью.

Глава 2

Анатомия смеха

Каю не нужны были ключи. Дверь в его покои на верхнем ярусе «Платинового шпиля» открылась от его приближения — сложный рунный замок реагировал на температуру тела. Если температура опускалась ниже тридцати четырех градусов, дверь считала хозяина мертвым.

Кай давно перестал замечать этот холод.

Он втолкнул Лиану внутрь.Ее все еще трясло после Резонатора, но теперь это была не лихорадка, а мелкая, высоковольтная дрожь. Эффект отката. Когда Кай забрал ее панику в круге, он оставил в ней свой собственный анестетик — мертвую, звенящую пустоту. Теперь эта пустота начала трескаться по швам, и сквозь нее проступала реальность.

Кай толкнул ее к массивному столу из черного дуба.

— Сядь.

Лиана упала на край стула. Она смотрела на свои руки. Кончики пальцев все еще светились призрачным синим, а под ногтями запекся черный пигмент — ее кровь, ставшая краской. Она поднесла ладонь к лицу. Пахло озоном и железом.

Кай не смотрел на нее. Он методично наполнял шприц из

вулканического стекла прозрачной жидкостью из хрустального флакона.

— Ты чуть не устроила короткое замыкание в главном накопителе, — его голос был ровным, но Лиана видела, как туго натянуты жилы на его шее. — Твоя эмпатия не имеет мембран. Ты не рисуешь боль, ты становишься ею. Это дефект. Мы его вырежем.

Он подошел ближе. От него пахло озоном и чем-то сладковато-химическим, как от морга. Лиана инстинктивно вжалась в спинку стула.

— Я не позволю копаться в моей голове, — хрипло сказала она.

Кай остановился. Он медленно поднял на нее свои ледяные глаза. Точка тьмы в центре зрачка расширилась.

— Я не целитель душ, Вейн. Я — хирург. Я не копаюсь. Я ампутирую лишнее. Твоя чувствительность к чужой агонии делает тебя непредсказуемой. Сегодня ты нарисовала взрыв котла, считав эмоции рабочего, который его устанавливал. А если завтра ты нарисуешь падение «Платинового шпиля», потому что у уборщика случится запор?

Он перехватил ее за подбородок, заставляя смотреть на себя. Его пальцы были ледяными, но Лиана вдруг поняла, что ее собственная кожа под его рукой начинает неметь, теряя чувствительность.

— Я не буду лезть в твои воспоминания о Нижнем городе, — ровно продолжил он. — Мне плевать на твою мертвую

мать и украденный хлеб. Я просто перекрою тебе кровоток в миндалевидном теле. Ты перестанешь захлебываться. Станешь сухой. Эффективной.

Он занес шприц. Игла из черного стекла поймала тусклый свет канделябра.В этот момент дверь в покои распахнулась без стука.

— О, я смотрю, ты уже начал операцию без анестезии? — раздался веселый, бархатный голос, от которого по стенам комнаты побежали теплые, золотистые блики. — Кай, ты же знаешь, что твои методы пугают первокурсниц. Она сейчас описается, и тебе придется вытирать пол.

В проеме стоял Риз.

Он был полной противоположностью ледяной геометрии Кая. Если Кай был высечен из мрамора, то Риз казался сотканным из живого света и мягкого льна. На нем не было строгой формы — только свободные брюки из темно-синего шелка и расстегнутая на груди рубашка цвета слоновой кости. Его волосы, обычно напоминающие серебряную проволоку, сейчас лежали мягкой волной, и от него пахло не озоном, а нагретым на солнце тимьяном и чем-то неуловимо сладким, как запах свежей выпечки.

Риз прислонился к косяку, скрестив руки. Его улыбка была слишком широкой, слишком яркой для этого стерильного кабинета.

— Опусти шприц, братец. Ты пугаешь мою будущую музу.

Кай даже не повернул головы. Игла в его руке замерла в

миллиметре от шеи Лианы.

— Убирайся, Риз. Твой факультет «Искр» начинается в восточном крыле. Это — западное. Территория «Кремнистов».

— Я знаю, где чья территория, — Риз оттолкнулся от косяка и шагнул внутрь. С каждым его шагом температура в комнате поднималась на градус. Иней, уже начавший было подбираться к ножкам стола Кая, истаял. — Я пришел за ней. Декан распорядился. После инициации первокурсников должен осматривать целитель-эмпат, чтобы снять шок.

Он посмотрел на Лиану. Его глаза были цвета темного меда, в них плясали золотые искры. В отличие от взгляда Кая, который препарировал, взгляд Риза обволакивал.

— Привет, — просто сказал он. — Меня зовут Риз. Тот хмурый тип с иглой — мой сводный брат. Он не злой, у него просто нервные окончания сгорели еще в колыбели, поэтому он думает, что и у всех остальных так же.

Лиана моргнула. Она ждала удара. Ждала, что Кай сейчас заморозит Риза в ледяную статую. Но Кай просто медленно, с видимым отвращением положил шприц на стол.

— Она — моя подопечная, — процедил он, не сводя глаз с Лианы. — Я сам сниму ее шок.

— Своим фирменным способом «глубокая заморозка лобных долей»? — Риз фыркнул. — Кай, от твоего лечения люди забывают, как дышать. Отойди.

Кай не двинулся с места.Тогда Риз вздохнул. Он закатал

рукав своей шелковой рубашки, обнажая предплечье.

— Смотри, Вейн, — мягко сказал он, обращаясь только к ней. — Смотри внимательно.

Лиана перевела взгляд на его руку. Риз коснулся пальцами своего запястья. В тот же миг его кожа под пальцами пошла рябью. Плоть не плавилась, нет. Она начала светиться. Из-под его ногтей полился чистый, концентрированный золотой свет. Он не обжигал. Он пульсировал, как маленькое, очень теплое солнце.Риз поднес светящуюся руку к лицу Лианы.

— Закрой глаза, — шепнул он.

Лиана зажмурилась. Она ожидала удара, вторжения, как это было с Резонатором. Но вместо боли пришло тепло.Оно началось в макушке. Мягкое, как шерстяное одеяло, соскользнувшее на плечи. Золотой свет Риза не входил в нее с насилием. Он обнимал ее нервную систему. Он находил лопнувшие от шока капилляры и просто… пел им. Его магия была звуком — низким, вибрирующим гулом колокола, который настраивает расстроенную струну.Дрожь в ее теле начала утихать. Ледяная пустота, оставленная Каем, начала заполняться чем-то густым, янтарным и тягучим. Это было не счастье. Это было умиротворение. Безопасность.

— Вот так, — голос Риза звучал теперь прямо у нее в голове, теплый и ласковый. — Дыши. Ты не в мясорубке. Ты дома. Это просто старые камни, они не кусаются.

Лиана сделала глубокий вдох. Воздух больше не царапал легкие. Она почувствовала запах тимьяна, озона (Кай все

еще стоял рядом) и… корицы. От самого Риза пахло свежей выпечкой.Золотой свет медленно отступил. Риз опустил руку. Лиана открыла глаза.Тьма в зрачках Кая сузилась до точки. Он смотрел на брата с такой чистой, незамутненной ненавистью, что воздух в комнате, казалось, вот-вот заискрит.

— Ты отдал ей часть резерва, — констатировал Кай. Его голос стал еще холоднее. — Ты отдал "Кремнисту" свою эмпатию. Ты идиот.

— Всего полпроцента, — Риз обезоруживающе улыбнулся, потирая запястье. — У меня избыток. Меня тошнит от чужого счастья, Кай, оно слишком приторное. А у нее сейчас во рту вкус пепла. Я просто сбалансировал.

Он снова повернулся к Лиане. Вблизи он казался еще моложе, чем издали, но в уголках его медовых глаз залегли тонкие морщинки — следы слишком частых улыбок.

— Как ты? — спросил он. Его голос лишился того показного веселья, став серьезным и глубоким. — Цвета вернулись?

Лиана посмотрела на свои руки. Черный пигмент исчез. Кожа была просто бледной. Но когда она перевела взгляд на Риза, она увидела, как вокруг него дрожит воздух. Он был обведен мягким, золотистым контуром. А Кай, стоявший в тени, был очерчен резкой, синей линией абсолютного нуля.

— Да, — прошептала она. — Вернулись.

— Добро пожаловать в академию, Лиана, — Риз подмигнул ей, и в этот момент его глаза вспыхнули чистым золотом.

— Запомни главное правило «Шафранового шпиля»: если Кай предлагает тебе укол — беги. Если я предлагаю чай — соглашайся.

Он развернулся и пошел к выходу, насвистывая какой-то легкомысленный мотив.Кай проводил его взглядом, от которого молоко должно было превращаться в лед. Затем он посмотрел на Лиану.

— Он — яд, — сказал Кай. — Медленный, сладкий, вызывающий привыкание. Его магия паразитирует на эмоциях. Он дает тебе тепло, чтобы забрать твою волю. Держись от него подальше.

— Ты выкачиваешь боль, чтобы ничего не чувствовать, — тихо ответила Лиана. Ее голос все еще дрожал, но в нем появилась сталь. — Он дает тепло, чтобы выжить. Я выберу тепло, Кай.

Кай моргнул. На долю секунды его идеальная маска дала трещину — он выглядел искренне удивленным. Затем он наклонился к ней, опираясь руками о стол по обе стороны от ее стула. Его лицо оказалось в дюйме от ее лица.

— Ты выбрала, — прошептал он, и от его дыхания иней осел на ее ресницах. — Ты даже не представляешь, что именно ты выбрала, Вейн.

Он выпрямился, запахнул свой графитовый мундир и вышел, оставив дверь открытой. В комнату ворвался холодный сквозняк из коридора, но он уже не мог остудить ту маленькую, пульсирующую точку тепла, которую Риз оставил

в самом центре ее груди.Лиана сидела в кабинете магистра «Кремнистов», пахнущем смертью и стерильностью, и впервые за десять лет чувствовала, как пахнет корица.

Глава 3

Факультет шелкопрядов

Коридоры западного крыла «Платинового шпиля» давили на виски низким, вибрирующим гулом. Это пели руны ментальной защиты, вплетенные в саму кладку. Для Лианы, чей дар питался открытым, диким хаосом чужих чувств, этот гул звучал как звук бормашины. Он вычищал из воздуха любые примеси, оставляя только стерильный запах озона и воска.

Кай передал ее с рук на руки сухопарой женщине в строгом лиловом камзоле на пороге аудитории триста двенадцать.

— Преподаватель Мора Вейн, — представил он ее, хотя Лиана не была его родственницей. — Твой куратор. Твой факультет — «Шелкопряды».

Мора окинула Лиану взглядом так, словно оценивала кусок гнилого мяса. Ее глаза были абсолютно бесцветными, как два стеклянных шарика.

— Инициация «Кремнистов» всегда оставляет после себя... мусор, — констатировала она, брезгливо поджав губы. — Твои синапсы все еще искрят, девочка. От тебя пахнет дешевым успокоительным и братом Кая.

Она толкнула тяжелую дубовую дверь.

В отличие от аскетичных залов «Кремнистов», здесь царил полумрак. Окна были плотно зашторены плотным бархатом цвета венозной крови. В воздухе висела взвесь из золотистой пыли — измельченных рун. Посреди круглого зала стоял единственный предмет мебели: огромное, обитое черным бархатом кресло, похожее на трон палача. К нему тянулись пучки медных проводов, похожих на застывших змей.

— Это «Паутина», — бросила Мора, проходя к кафедре. — Твой новый дом. Садись.

Лиана опустилась в кресло. Бархат был ледяным. Как только она откинулась на спинку, медные змеи ожили. Гибкие манипуляторы мягко, но крепко оплели ее запястья, щиколотки и виски. На лоб легла холодная металлическая пластина.

— Твоя магия, Вейн, — голос Моры эхом отражался от стен, становясь вездесущим, — это истерика. Ты — эмпат, который не умеет закрывать двери. «Шелкопряды» не лечат дефекты. Мы их используем. Ты будешь плести.

Пластина на лбу загудела.

Боли не было. Было хуже. Было ничто. «Паутина» начала высасывать из нее не эмоции, а саму способность их испытывать. Лиана видела перед собой лицо Кая, но не чувствовала страха. Она вспомнила запах сажи в своей каморке, но не почувствовала тоски. Она была марионеткой, у которой обрезали нити.

— А теперь, — в голосе Моры появилось удовлетворение,

— я покажу тебе, как выглядит чужая ложь.

В темноте зала, прямо в воздухе перед лицом Лианы, вспыхнул сгусток света. Он пульсировал мягким, жемчужным светом. Идеальная сфера.

— Это мысль, — пояснила Мора. — Чистая, незамутненная правда. Смотри.

Сфера начала деформироваться. Жемчужный свет пошел трещинами, из которых полезла черная, маслянистая слизь. Сфера скручивалась в узел, выплевывая рваные, багровые нити.

— А это — та же самая мысль, но приправленная страхом разоблачения. Видишь узлы? Это когнитивный диссонанс. Точка, где человек врет самому себе.

Лиана смотрела на это анатомическое вскрытие чужой души без всякого интереса. «Паутина» держала ее в медикаментозной пустоте.

— Твоя задача, — Мора щелкнула пальцами, и багровая нить в воздухе вспыхнула, — научиться видеть эти узлы без Резонатора. Видеть структуру лжи. А потом — плести.

Из подлокотника кресла выдвинулся тонкий стилет. Его лезвие было сделано не из металла, а из спрессованного лунного света.

— Возьми.

Лиана, чьи руки были зафиксированы, лишь дернулась. Стилет сам скользнул ей в ладонь, идеально лег в пальцы.

— Твоя киноварь — это для детей и самоубийц, — пре-

зрительно бросила Мора. — Настоящая магия иллюзий пишется светом.

Мора подняла руку. В воздухе перед ней возникла проекция — лицо ректора академии. Старик с добрыми, слезящимися глазами.

— Он хочет, чтобы студенты любили его, — сказала куратор. — Он хочет казаться отцом. Но он боится нас. Он боится, что мы прочтем его мысли о том, как он присваивает бюджет на ремонт оранжерей.

Мора сделала пасс рукой. В воздухе вокруг проекции ректора начали ткаться нити. Тонкие, почти невидимые, цвета расплавленного золота. Они оплетали его лицо, меняли контур глаз, смягчали линию челюсти.

— Мы не меняем факты, Вейн. Мы меняем реакцию на факты. Смотри.

Мора щелкнула пальцами. Проекция ректора улыбнулась. Но это была не улыбка доброго старика. Это была улыбка сытого, довольного хищника. Золотые нити «Шелкопрядов» не изменили его лицо — они изменили свет, падающий на него. Они добавили в ауру вокруг его головы едва заметный оттенок хищной желчи.

— Теперь, — Мора повернулась к Лиане, — любой, кто посмотрит на него, почувствует не умиление, а подсознательный, липкий страх. Они будут делать то, что он скажет, сами не понимая почему. Это — власть.

«Паутина» внезапно ослабила хватку на висках Лианы.

Вакуум в голове схлопнулся.В уши ворвался шум.Это были не звуки. Это были "мысли" сорока студентов, сидящих за невидимыми партами в темноте.

"...у меня опять не сошлась формула в третьем контуре..."

"...запах ее духов сводит меня с ума, она знает?.."

"...если я не сдам этот тест, отец лишит меня содержания, я брошусь с башни..."

"...хочу спать... просто хочу спать..."

Лиана захлебнулась.

После стерильной пустоты «Паутины» этот ментальный шквал ударил по ней как молот. Цвета вспыхнули перед глазами с такой силой, что она закричала. Мысли других были слишком громкими, они имели вкус и плотность. Мысль о прыжке с башни была иссиня-черной, тяжелой, как ртуть.

Мора ударила ее по щеке. Хлестко, сухо.

— Соберись. Ты — фильтр, а не губка.

Лиана вцепилась ногтями в подлокотники. Она не могла закрыться, но она могла... рисовать. Она схватила первый же ментальный образ, который попался под руку — паническую мысль студента о формуле. Она не стала ее блокировать. Она потянула за эту нить. Багровая, спутанная нить страха. Лиана начала плести.

Она не знала, как это работает, тело сделало само. Она взяла страх студента (багровый) и сплела его с его же тайным желанием бросить академию (грязно-охристый). Она завяза-

ла их в тугой, сложный узел.

В темноте зала раздался тихий, удивленный вздох. Студент, чью мысль она взяла, вдруг затих. Его паника исчезла. На ее месте возникло холодное, кристально чистое решение. Он встал.

— Преподаватель Мора, — его голос звучал ровно. — Я осознал, что ментальная алгебра не мое призвание. Я перевожусь на факультет «Искр».

Мора медленно повернула голову. Ее бесцветные глаза впервые с момента встречи смотрели на Лиану с проблеском живого интереса.

— Ты не закрыла его, — тихо сказала куратор. — Ты переписала его мотивацию. Ты сплела его страх в уверенность. За сорок секунд.

Она подошла ближе, бесшумно ступая по каменному полу. Мора взяла лицо Лианы в свои холодные, сухие ладони, заставляя смотреть на себя.

— Твой дар — это уродство, — прошептала Мора прямо ей в губы. — Но из самого прочного шелка всегда получается самая острая удавка.

Она отпустила ее и отошла к кафедре.

— С этого дня, Вейн, ты освобождена от общих лекций. Твое место здесь. В «Паутине». Я буду приносить тебе мысли. Живые, гнилые, кровоточащие мысли. А ты будешь их прясть.

Дверь аудитории закрылась за последним студентом. Ли-

ана осталась сидеть в кресле, все еще сжимая в руке световой стилет. Ее руки дрожали не от страха. От истощения.

Она закрыла глаза, пытаясь унять звон в ушах. И в этой звенящей темноте она вдруг почувствовала его.

Тепло.

Оно просачивалось сквозь каменную кладку западного крыла, сквозь руны защиты, сквозь ментальный гул «Паутины». Золотистый, пахнущий тимьяном и корицей поток. Риз. Он был где-то в восточном крыле, и он смеялся. Его смех был таким ярким, таким физически ощутимым, что золотые нити, которые Лиана только что сплела в темноте, на мгновение вспыхнули настоящим, солнечным светом.

— Отставить сопли, — голос Моры разрушил наваждение. — Вот первое задание.

Она бросила на подставку перед креслом Лианы хрустальный флакон. Внутри него, в формалине, бился сгусток пульсирующего, гнойно-зеленого цвета.

— Мысли нашего декана. Он влюблен в свою падчерицу. Сделай так, чтобы завтра на совете он проголосовал за сокращение бюджета на ее факультет. И сделай это красиво, Вейн. Мне нужен бархат, а не мешковина.

Лиана взяла флакон. Пульсирующая зелень обожгла пальцы.

Она посмотрела на световой стилет. Академия «Шафрановый шпиль» только началась. И Лиана Вейн только что поняла, что «Кремнисты» с их иглами — это просто мясники.

А настоящие пытки начинаются здесь, в темноте, где из чужого безумия ткут кружева.

Глава 4

Анатомия порядка

Комната Лианы находилась в восточном крыле, в секторе «Искр». Это было частью издевательской иронии Кая. Он не мог поселить ее с «Кремнистами» — от ее эмпатии у его боевых магов начинались мигрени и носовые кровотечения. Он не мог оставить ее в западном крыле — Мора Вейн требовала, чтобы ее лучший, самый грязный инструмент жил в самом светлом месте, как редкая, ядовитая орхидея в теплице.

Стены здесь были цвета слоновой кости. Полы устилали ковры цвета весенней листвы. Из окон открывался вид на полигон, где студенты «Искр» швырялись молниями, окрашивая небо в неестественный фиолетовый.

Лиана сидела на подоконнике, обхватив колени руками. На коленях лежал холст, но она не рисовала. Она смотрела на флакон с мыслями декана, который Мора заставила ее забрать с собой для «домашней работы». Гнойно-зеленая жижа внутри пульсировала в такт чьему-то похотливому сердцебиению. Лиана чувствовала его сквозь хрусталь. Ее тошнило.

В дверь постучали.

Стук был ритмичным, отбивающим синкопу — три быст-

рых удара, пауза, два медленных. Так стучит человек, который уверен, что ему рады, еще до того как открыли дверь.

Лиана не ответила. Она даже не шелохнулась.

Дверь открылась без скрипа. На пороге стоял Риз. В одной руке он держал бумажный пакет, от которого пахло свежей выпечкой и горячим шоколадом, в другой — стеклянную колбу с чем-то светящимся.

— Я принес взятку, — объявил он, закрывая дверь ногой. — И оплату морального ущерба. Мора снова сажала тебя в «Паутину»? У тебя аура пахнет жженым сахаром и отчаянием. Выглядит... вкусно, но нездорово.

Он прошел в комнату, игнорируя ее молчание, и поставил колбу на стол. Внутри сосуда бился маленький сгусток чистого, солнечного света.

— Это мой резерв, — пояснил Риз, поймав ее взгляд. — На случай, если ты снова решишь упасть в обморок. Я застраховал тебя. Кай будет в ярости, когда узнает, что я нарушил протокол изоляции «Кремнистов», но у него сегодня ночное дежурство в морге, так что у нас есть часа три.

Он сел в единственное кресло, закинув ногу на ногу. Его движения были плавными, текучими, как у танцора.

— Ешь, — он кинул ей пакет. — Булочки с корицей. Я добавил туда кардамон. Он заземляет.

Лиана поймала пакет. Картон был теплым. Она не хотела есть. Она не хотела, чтобы он здесь находился. Золотой свет, который он излучал, был слишком ярким контрастом

для гнойно-зеленого флакона в ее руках. Это было больно.

— Зачем ты пришел, Риз? — спросила она, не открывая пакета. Ее голос звучал глухо.

— Скучно, — он обезоруживающе улыбнулся, и в уголках его глаз собрались морщинки. — Понимаешь, быть ходячим генератором счастья в академии, где все хотят друг друга убить — это очень одиноко. «Кремнисты» смотрят на меня как на плесень. «Шелкопряды» пытаются меня препарировать. А «Искры» слишком громкие. Ты — единственная, кто пахнет настоящим.

Он кивнул на ее руки.— Что это? Домашнее задание?

Лиана неохотно протянула ему флакон. Риз взял его двумя пальцами, брезгливо отставив мизинец. Его лицо изменилось. Золотая искра в его глазах на мгновение потускнела, столкнувшись с зеленой слизью внутри.

— Мора, — протянул он. — Старая паучиха. Заставляет первокурсников плести инцест. Это ее любимое развлечение. Проверка на лояльность. Если справишься — ты ее. Если сломаешься — ты станешь удобрением для ее рун.

— Я не буду это делать, — Лиана забрала флакон и поставила его на подоконник, подальше от себя. — Я не буду превращать похоть старика в нож для его дочери.

Риз перестал улыбаться. Он подался вперед, упершись локтями в колени. Его лицо стало серьезным, а золотой свет вокруг него — более глубоким, медовым.

— Лиана, — мягко сказал он. — Ты стоишь на краю. Я

это вижу. Там, в «Паутине», она учит тебя не просто плести. Она учит тебя отрывать крылья. Сначала у бабочек. Потом у людей. Ты сейчас на грани того, чтобы решить, что это... эффективно.

— А разве нет? — Лиана подняла на него свои янтарные глаза. В них не было слез, только сухая, выжженная пустота. — Ты лечишь их смехом. Он замораживает их своим равнодушием. Я могу заставить их танцевать. Мы все делаем одно и то же. Ломаем их, чтобы построить что-то свое.

— Нет, — Риз покачал головой. — Разница в мотивации, Лин. Кай хочет контроля, потому что боится хаоса. Мора хочет власти, потому что боится старости. А я... — он запнулся, и его улыбка стала чуть виноватой. — Я просто не хочу, чтобы людям было больно. Это очень эгоистично. Мне физически плохо от чужого страдания, оно отдает гнилью. Я лечу их не ради них. Ради себя.

Он встал и подошел к ней.

— Не бери флакон завтра на совет. Скажи Море, что у тебя случился откат. Что «Паутина» сожгла тебе синапсы. Она поверит, потому что ты действительно выглядишь как труп.

— И что потом? — Лиана наконец открыла пакет. Теплый запах корицы ударил в нос, пробиваясь сквозь вонь похоти декана. — Меня отчислят? Отправят обратно в Нижний город?

— Нет, — Риз присел на корточки перед ее подоконни-

ком, оказавшись лицом к лицу с ней. — Я прикрою тебя. Я скажу Каю, что это я тебя истощил. Он меня ненавидит, ему будет приятно в это поверить. А Море я скормлю иллюзию. Она будет думать, что ты работаешь на нее, а на самом деле будешь спать в своей кровати.

Он протянул руку и осторожно, едва касаясь, отвел прядь волос с ее лица.

— Позволь мне быть плохим парнем, Лин. У тебя слишком красивые глаза, чтобы Мора залила их своей паутиной.

Лиана смотрела на него. На его лицо, светящееся изнутри. На его руку, все еще лежащую возле ее щеки. Она ждала подвоха. Ждала, что он сейчас попросит что-то взамен — ее улыбку, ее доверие, ее киноварь.

Но Риз просто смотрел на нее.Его магия — теплый, пахнущий сдобой воздух — просто была рядом. Она не лезла внутрь, не пыталась перекроить ее сосуды. Она просто грела.

— Почему? — прошептала она.

— Потому что, — он легко коснулся кончиком пальца ее переносицы, — когда ты смотришь на меня, твои зрачки не превращаются в черные дыры. Они становятся похожи на темный янтарь. Это редкий цвет. Я хочу, чтобы он сохранился.- Он поднялся, отряхивая невидимую пыль с колен. — Булочки отличные, кстати. Если съешь их до того, как они остынут, я, так и быть, не расскажу Каю, что ты плакала. Хотя, — он хитро прищурился, — плакать ты не умеешь. Ты только кровоточишь краской.

Он направился к двери.

— Спокойной ночи, Вейн. И запри замок. Я знаю, что у тебя нет ключа, но Кай забывает, что двери можно открывать и просто так. А я не хочу, чтобы он застал меня выходящим от тебя. Репутация, знаешь ли.

Дверь закрылась.

Лиана осталась одна. Но комната больше не казалась стерильной. В воздухе все еще висел запах корицы, тимьяна и чего-то неуловимо живого.

Она посмотрела на флакон с гнойно-зеленой жижей. Затем на бумажный пакет.

Лиана взяла булочку. Она была еще теплой. Сахарная пудра прилипла к ее пальцам. Она откусила кусочек.Сладость взорвалась на языке. Это был не просто вкус. Это был чистый, концентрированный желтый цвет. Цвет солнца, которого она не видела три года. Цвет смеха, который не стоил никому агонии.

Лиана съела булочку, глядя на огни Нижнего города далеко внизу. Впервые за долгое время она почувствовала не тяжесть воды в легких, а просто... сытость.

Она подошла к столу, взяла световую колбу Риза и поставила ее рядом со своей кроватью. Маленький сгусток солнца пульсировал в темноте, отгоняя тени. Лиана легла, не раздеваясь, и впервые за три года уснула без сновидений, пахнущих медью.

Глава 5

Температура плавления

Кай ненавидел лазарет.

Не из-за запаха карболки или вида гниющих конечностей — за годы службы в инквизиции его обоняние атрофировалось, а чужая кровь давно стала просто жидкостью.

Он ненавидел лазарет за звук. За тихое, влажное, прерывистое дыхание тех, кто цеплялся за жизнь. Это была самая громкая, самая вульгарная эмоция — отчаянная жажда существования. Она пахла аммиаком и железом, и она раздражала его, как фальшивая нота.

Он стоял у окна в кабинете старшего целителя, глядя на внутренний двор академии.

Снег, падавший с вечера, таял, не долетая до земли — периметр «Шафранового шпиля» держал постоянную температуру в пятнадцать градусов.

— Ты выжег ей синапсы, — голос целителя был сухим, как шелест пергамента. — Не физически. Магически. Ты влил в нее столько своего анальгетика, что ее собственная нервная система отказалась работать. Девочка не чувствует боли. Она не чувствует тепла. Она не чувствует ничего. Это состояние называется «эмоциональная анестезия». Если продол-

жать в том же духе, через месяц она перестанет различать лица. Станет идеальным «Кремнистом». И идеальным овощем.

Кай медленно разжал пальцы. Серебряный значок магистра, который он сжимал, был покрыт слоем инея.

— Она должна была пройти инициацию, — ровно произнес он.

— Она прошла ее три дня назад, Кай. Ты продолжаешь «лечить» ее от того, что она просто живет.

Целитель подошел к столу и положил перед Каем лист плотной бумаги.

— Это ее рисунок. Мора Вейн передала. Результат теста на лояльность.

Кай взял лист.

На бумаге не было ни людей, ни архитектуры. Это был чертеж. Идеальная, трехмерная паутина, выполненная чернилами, которые, казалось, впитали в себя весь свет в кабинете. В центре паутины сидел паук. Но если присмотреться, становилось ясно: паук не плел сеть. Он ее разрывал. Каждая нить была перерезана с математической точностью.

— Она не справилась с заданием Моры, — сказал Кай. — Это отказ.

— Это бунт, — поправил целитель. — Девочка с выжженными тобой нервами нашла способ разрушить чужую магию с помощью логики. Она опасна. Но она все еще человек. Пока что.

Кай свернул чертеж и убрал его во внутренний карман мундира.

— Где она?— В своей комнате. Риз дежурит у ее двери.

Кай замер. Его зрачки — точки абсолютной тьмы — расширились, поглощая бледно-голубую радужку.

— Он там?

— Он не заходит. Просто сидит в коридоре на полу и жрет сладкое. Но его... эманации просачиваются под дверь. Он держит ее в тепле. Если ты сейчас пойдешь туда, Кай, ты заморозишь половину восточного крыла. Остынь.

Кай не ответил. Он вышел, не попрощавшись.

***

Лиана сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. Риз оказался прав: замок на двери был чисто символическим. Он просто не закрывался до конца.

В руках она держала флакон с мыслями декана. Гнойно-зеленая жижа больше не вызывала у нее тошноты. Она вызывала профессиональный интерес. Лиана смотрела на нее так, как ювелир смотрит на дефектный камень. Мора хотела нож для падчерицы? Она его получит. Но это будет не нож. Это будет зеркало.

Внезапно воздух в комнате изменился.

Пахнуло не просто морозом. Пахнуло стратосферой. Температура упала так резко, что дыхание Лианы превратилось в густой белый пар. Золотой сгусток света на столе, подаренный Ризом, жалобно мигнул и покрылся тонкой корочкой

льда.

Дверь распахнулась, ударившись о стену.Кай вошел не как человек. Он вошел как стихийное бедствие. Его мундир был покрыт изморозью, волосы стояли дыбом от статики, а вокруг его ступней на деревянном полу расползались ледяные узоры, похожие на гной.

— Ты не взяла шприц, — констатировал он. Его голос не звучал. Он резонировал прямо в костях Лианы, вызывая зубную боль.

Лиана медленно подняла голову. Она не чувствовала страха. Кай забрал его еще в первый день. Она чувствовала только леденящий холод, который начал сковывать мышцы челюсти.

— Мора дала задание, — голос Лианы прозвучал глухо, как из-под воды. — Я его выполнила.

— Выполнила? — Кай сделал шаг. Пол под ним хрустнул. — Ты отказалась. Целитель сказал, ты сожгла себя.

— Я оптимизировала, — Лиана поднялась на ноги. Ее слегка шатало, но она стояла прямо. — Зачем делать из старика монстра, если можно сделать из падчерицы святую мученицу? Мора хочет контроля над деканом. Я дала ей этот контроль. Когда завтра на совете он посмотрит на нее, он увидит не женщину. Он увидит лезвие, приставленное к горлу его карьеры. Он будет делать все, что скажет Мора, лишь бы она «защищала» его дочь от... всего. Включая него самого.

Кай смотрел на нее. Его идеальный, математический мозг обрабатывал информацию. Схема была чистой. Элегантной. Беспощадной. Это была логика «Кремниста». Но в глазах Лианы не было логики. Там была та самая черная, выжженная пустота, которую он сам в ней создал. И это его пугало.

— Ты использовала мою методику, — тихо сказал он. — Ты заморозила эмоцию, чтобы увидеть структуру.

— Ты научил меня резать, — она сделала шаг ему навстречу. Между ними оставалось не больше метра. — Я просто перестала бояться крови.

Она протянула руку. Кай не отшатнулся. Он стоял неподвижно, как скала, и смотрел, как ее пальцы — бледные, с синеватыми ногтями — приближаются к его груди.

Лиана коснулась серебряного значка на его мундире.

Кай выдохнул. Из его рта вырвалось облако морозного пара.

В тот момент, когда ее кожа коснулась холодного металла, что-то сломалось.

Кай всегда забирал. Это был его рефлекс, его способ дышать. Он забирал боль, тепло, страх. Но сейчас, когда Лиана — пустая, выжженная, не сопротивляющаяся — коснулась его, поток пошел в обратную сторону.

Он не почувствовал холода. Он почувствовал вакуум. Ее эмоциональная анестезия была черной дырой. И она начала втягивать в себя его. Его ледяное спокойствие. Его годами накопленную, спрессованную боль. Его мертвые воспомина-

ния об инициации.

Кай схватил ее за запястье, пытаясь оторвать от себя, но его пальцы свело судорогой. Холод, который всегда исходил от него, теперь хлынул в него.

— Прекрати, — прохрипел он. В его голосе впервые за десять лет прозвучала паника. — Ты... ты пьешь.

Лиана не слышала. Она смотрела на их руки. Там, где ее пальцы касались его мундира, серебряная нить начала плавиться. Ткань дымилась. Кожа Кая под тканью, всегда бледная, начала стремительно наливаться багровым, ожоговым цветом. Она передавала ему свою пустоту, и его тело, не привыкшее к отсутствию боли, воспринимало это как физическую пытку.

Внезапно ледяной поток оборвался.Кай отлетел назад, сбитый с ног невидимой силой, и впечатался в противоположную стену. Сверху посыпалась штукатурка.

В дверном проеме стоял Риз.

Он не выглядел сердитым. Он выглядел так, словно его тошнит. Его руки были покрыты глубокими, сочащимися кровью ожогами — он принял удар на себя. Воздух вокруг него дрожал от жара, плавя ледяные узоры на полу.

— Довольно, — голос Риза был тихим, но от него задрожали стекла в окне. — Оба.

Он посмотрел на Кая, сползающего по стене. Глаза Риза, обычно золотые, сейчас горели расплавленным металлом.

— Ты, — он ткнул пальцем в сторону брата, — пытался

превратить ее в свой клон.

Затем он перевел взгляд на Лиану. Она стояла, пошатываясь, прижимая обожженную руку к груди. Ее зрачки снова стали нормальными, янтарными, полными ужаса. Пустота схлопнулась, и на нее обрушилась реальность. Она посмотрела на свои пальцы, потом на дымящийся мундир Кая.

— Я... я не хотела...

— Я знаю, — Риз шагнул к ней, его движения снова стали мягкими. Он подхватил ее, не давая упасть. Его тепло мгновенно согрело ее заледеневшее платье. — Я знаю, Лин.Он посмотрел на Кая через ее плечо. — Она не «Кремнист», братец. Она — кислота. Ты пытался заморозить кислоту. Поздравляю, ты только что получил химический ожог.

Кай стер с губы кровь. Он смотрел на Лиану, которую Риз прижимал к себе, баюкая, как ребенка. Смотрел на свои руки. Впервые за двадцать лет магистр «Кремнистов» почувствовал, как по его собственному позвоночнику бежит липкий, холодный, первобытный страх.Он создал пустоту. И теперь пустость научилась кусаться.

— В лазарет. Оба, — бросил Кай. Его голос снова стал ровным, но в нем появилась трещина. — Риз, лечи свои руки. Вейн...Он запнулся. Впервые он не знал, что ей приказать.— Мы продолжим завтра, — закончил он и вышел в коридор, закрыв за собой дверь.

В комнате пахло озоном, паленой шерстью и корицей. Лиана дрожала в объятиях Риза, глядя на закрытую дверь.

— Он забрал мой страх, — прошептала она. — А я чуть не забрала его смерть.

— Тише, — Риз погладил ее по волосам. — Вы просто потанцевали. Очень неуклюже.

Но когда Риз повел ее к выходу, его золотая магия впервые пахла не сдобой. Она пахла озоном. И чем-то еще. Чем-то, что пахло точно так же, как лед на полюсе, когда он начинает трескаться перед тем, как рухнуть в океан.

Глава 6

Фарфор и киноварь

Лазарет «Шафранового шпиля» пах стерильностью и поражением.

Кай лежал на жесткой койке, глядя в потолок из белого мрамора. Медики «Кремнистов» обработали его ожоги — там, где пальцы Лианы коснулись его мундира, кожа слезла, обнажив алое, воспаленное мясо.

Но целители не могли залечить то, что пульсировало под кожей.

Пустота.

Она больше не была его оружием. Она стала его паразитом. Лиана не просто забрала его ледяное спокойствие. Она забрала фильтр. Теперь Кай чувствовал всё.Он слышал дыхание целителя в дальнем конце зала — оно пахло усталостью и мятными леденцами. Он чувствовал сквозняк из вентиляционной шахты — он нес запах озона и далекой грозы. И он чувствовал Лиану. Она лежала на соседней койке, за тонкой ширмой. От нее пахло жженым сахаром (следы магии Риза) и едва уловимым, металлическим привкусом собственного ужаса.

Дверь лазарета открылась без стука.

— Я принес то, что нельзя вколоть шприцем, — раздался голос Риза.

Он прошел мимо койки Кая, не удостоив его взглядом, и отдернул ширму. В руках у него была простая картонная коробка.

— Шоколадный торт, — пояснил он, ставя коробку на прикроватную тумбу Лианы. — С вишней. Я украл его с кухни. Повара рыдали мне вслед.

Кай сел на кровати. Простыни под ним захрустели от инея, который теперь постоянно покрывал его тело во сне.

— Убери это. Сахар нарушает нейрохимический баланс.

— Заткнись, Кай, — Риз даже не повернулся. Он открыл коробку. Торт пах одуряюще сладко. — Ешь, Лин.

Лиана села. Ее движения были скованными. Она посмотрела на торт, потом на свои руки. На подушечках пальцев все еще темнели микроскопические следы сажи — память о ее старой жизни.

— Я не хочу, — тихо сказала она.

— Ты не ела со вчерашнего дня, — Риз взял пластиковую вилку. — Открывай рот. Я покормлю тебя, как в дешевой мелодраме.

Он подцепил кусок торта, густо пропитанного вишневым соком и шоколадом, и поднес к ее губам. Лиана зажмурилась и открыла рот.

Кай смотрел на это, чувствуя, как внутри него что-то сжимается. Это не было ревностью. Это было похоже на удушье.

Он видел, как Риз кормит ее, как его золотая магия буквально обволакивает каждый кусок, превращая обычный сахар в лекарство. Он видел, как кадык Лианы дернулся, когда она проглотила.

— Хватит, — голос Кая разрезал тишину. Он был хриплым. — Риз. Выйди.

Риз замер с вилкой в воздухе. Он медленно повернул голову. Его медовые глаза потемнели.

— Она только что чуть не сожгла себе мозг, братец. Ей нужен сахар. И я.

— Ты нужен академии как эмпат, а не как сиделка, — Кай встал. Простыни под ним примерзли к матрасу и с треском оторвались. — Я ее куратор. Я решаю, как ее лечить.

— Ты уже налечил, — Риз положил вилку на коробку. — Спасибо, что показал нам всем мастер-класс по созданию зомби.

Он обошел кровать и встал между Каем и Лианой, скрестив руки на груди.

— Она боится тебя, Кай. Каждый раз, когда ты входишь в комнату, ее пульс зашкаливает. А рядом со мной она дышит. Выбирай: либо я остаюсь, либо она отказывается от еды, и через три дня ты получишь идеальный, послушный, мертвый инструмент для Моры. Что выберет «Кремнист»?

Кай смотрел на Риза. Он видел его насквозь. Вся эта забота, весь этот сахар, вся эта поза защитника — это была броня. Под ней Риз был таким же поломанным, как и все они.

Он отдавал свое тепло, потому что если он остановится, его собственная пустота, скрытая за улыбкой, поглотит его.

— Десять минут, — процедил Кай. — Затем ты уходишь. И запиши рецепт этого торта. Я прикажу кухне готовить его ежедневно.

Риз фыркнул, но спорить не стал. Он снова взял вилку.

— Видишь, Лин? Дикого зверя можно приучить. Нужно просто вовремя давать ему сахар.

Кай отошел к окну. Он оперся руками о ледяной подоконник, глядя на огни полигона. Он не хотел смотреть, как она ест. Но он слушал. Слушал, как Риз тихо говорит ей что-то о том, что вишня — это цвет настоящей страсти, а не той подделки, которую Мора заставляет ее плести. Слушал ее тихий, неуверенный смех.Звук ее смеха был похож на треск тонкого льда.

***

Десять минут истекли. Риз поцеловал Лиану в макушку (Кай услышал это в виде резкого скачка ее сердцебиения) и вышел, забрав пустую коробку.Кай развернулся. Лиана сидела, обхватив себя руками. Торт сделал ее кожу чуть розовее, но глаза оставались огромными и темными.

— Он прав, — сказал Кай, подходя к ее кровати. — Я перегнул палку.

Лиана вздрогнула. Она ожидала приказа. Ожидала холода. Но Кай просто стоял, засунув руки в карманы форменных брюк. Его плечи, обычно развернутые как у солдата, ка-

зались чуть опущенными.

— Твой дар, — начал он, тщательно подбирая слова, словно ступая по битому стеклу, — это не дефект. Это... другая архитектура. Мора хочет, чтобы ты строила стены. Риз хочет, чтобы ты зажигала свечи. Я...

Он замолчал. Ему было физически больно произносить следующие слова, они царапали его пересохшее горло.

— Я хочу, чтобы ты построила мне мост.

Лиана непонимающе моргнула.

— Что?

— Вейн, — Кай присел на край ее кровати. Матрас не прогнулся — он покрылся инеем. — Ты видишь структуру. Ты видишь, где люди ломаются. Мора использует это, чтобы давить. Риз — чтобы латать дыры. Я хочу использовать это, чтобы понимать.

Он посмотрел ей прямо в глаза. Его голубой лед сейчас казался почти прозрачным.

— Я не чувствую. Ты это знаешь. Я не чувствую радости, когда мы выигрываем войну. Я не чувствую горя, когда гибнут мои люди. Я чувствую только... задачу. Это делает меня хорошим палачом. Но плохим магистром.

Он наклонился ближе. В его зрачках плясало отражение ее испуганного лица.

— Научи меня. Не врать. Не плести. Просто... видеть. Покажи мне, какого цвета моя ложь.

Лиана смотрела на него. На этого человека, который за-

морозил ее до состояния статуи, который выжег ей нервы, который сейчас выглядел так, словно просит милостыню.

Она медленно протянула руку.Кай не отпрянул. Он позволил ее пальцам — все еще пахнущим шоколадом и вишней — коснуться своей щеки.Его кожа была ледяной. Но Лиана знала, что искать. Она закрыла глаза. Она не стала рисовать. Она просто впустила его.Это было похоже на падение в ледяную пещеру. Там не было цветов. Там была идеальная, математическая геометрия. Его воспоминания были разложены по полкам, пронумерованы и заморожены в глыбах льда.

Вот его инициация (острые, рваные края). Вот его первая казнь (идеально ровный куб). Вот его ненависть к Ризу (длинная, острая игла, пронзающая центр его грудной клетки).Она двигалась глубже, раздвигая эти ледяные глыбы, пока не нашла то, что он пытался спрятать даже от себя.Оно было маленьким. Не больше булавочной головки. Пульсирующее, теплое, пульсирующее красным. Страх. Он боялся не ее. Он боялся, что если она научится чувствовать, она станет такой же, как он — мертвой. И он останется в этой вселенной абсолютно один.Лиана открыла глаза. Они были полны киновари.

— Ты врешь, — тихо сказала она. — Ты не хочешь видеть цвета. Ты хочешь убедиться, что ты не один такой сумасшедший.

Кай моргнул. На долю секунды ледяная маска магистра «Кремнистов» треснула. Уголок его губ дернулся вверх —

это была не улыбка, а судорога.

— Возможно, — признал он. — Это меняет твою оценку моего характера?

— Это делает тебя предсказуемым, — Лиана убрала руку. — Опасно предсказуемым.Она откинулась на подушки, отвернувшись к стене. — Я буду учить тебя, Кай. Но не за торт. И не за безопасность.

— Чего ты хочешь? — его голос снова стал жестким, но в нем больше не было металла. Была сталь.

— Я хочу ключ, — сказала она, не поворачиваясь. — От западной башни. Ту, что закрыта со времен Раскола. Мора хранит там свои старые заготовки. Я хочу знать, что она прячет.

Кай замер. Западная башня была табу. Там хранились не просто секреты. Там хранились ошибки академии.

— Ты с ума сошла, Вейн. Там стоят ловушки «Шелкопрядов» пятого уровня. Они выжигают личность.

— А у меня ее почти нет, — она повернула голову. Ее янтарные глаза смотрели на него без страха. — Мне нечего терять. А тебе нужен твой мост.

Кай долго смотрел на нее. Затем медленно кивнул.

— Башня. Сегодня в полночь. Если выживешь — я покажу тебе, какого цвета моя ложь. Если нет — Мора будет рада новому материалу для «Паутины».

Он встал и направился к выходу. У двери он остановился.

— И, Вейн... — он не обернулся. — Спасибо за диагноз.

Дверь закрылась. Лиана осталась одна. Она коснулась своей щеки там, где были его пальцы. Кожа все еще горела холодом. Она посмотрела на свои ладони. Они больше не были просто руками художницы. Они были оружием. И она только что направила это оружие на самого опасного человека в академии.

Глава 7

Архив разбитых сердец

Западная башня не охранялась.

В «Шафрановом шпиле» лучшей защитой считалось отсутствие входа. Массивные дубовые двери, обитые почерневшим от времени железом, выглядели так, словно их не открывали столетие. Кай стоял рядом с Лианой, кутаясь в меховой плащ — от башни веяло не просто холодом, а абсолютным нулем, температурой, при которой замерзает само время.

— Последний шанс передумать, — его голос звучал глухо. Эхо здесь умирало, не успев родиться. — Мора убьет нас обоих, если узнает. А если сработают ловушки — она убьет нас медленно.

— Ты боишься, — Лиана не смотрела на него. Она провела пальцами по замочной скважине. — Боишься не ловушек. Боишься того, что она прячет.Кай не стал отрицать. Он просто протянул ей тяжелый, покрытый изморозью ключ.

— Замок реагирует на температуру. Если твоя рука станет теплее десяти градусов, сработает сирена.

Лиана взяла ключ. Ее пальцы, привыкшие к холоду Кая, не дрогнули. Металл обжег кожу, но она подавила инстинк-

тивный порыв отдернуть руку. Она вставила ключ. Ледяной металл вошел в ледяную скважину с сухим, скрежещущим звуком.Замок щелкнул.

Дверь открылась в абсолютную темноту.

Внутри не пахло пылью. Пахло озоном, гарью и железом — запахом свежей, неразложившейся крови. Лиана шагнула внутрь, и под ее ногой что-то хрустнуло. Это был не снег. Это было стекло. Тонкое, как яичная скорлупа, стекло, покрытое инеем.

— Не двигайся, — голос Кая прозвучал прямо над ухом. Он включил ручной фонарь. Синий луч выхватил из мрака то, что скрывала башня.Это был не архив. Это была кунсткамера.

Комната была круглой, и вдоль стен, от пола до самого потолка, тянулись стеллажи. Но на них стояли не книги. Внутри тысяч хрустальных колб, впаянных в ледяные глыбы, пульсировали органы. Сердца, все еще покрытые лохмотьями аур. Печени, светящиеся от неусвоенной магии. Мозги, чьи извилины мерцали остаточными снами.

— Это «Шелкопряды», — прошептал Кай. — Те, кто не прошел инициацию. Мора не стирает их личности. Она консервирует их. На запчасти.

Лиана подошла ближе к одному из стеллажей. Ее янтарные глаза расширились. Она видела не мертвую плоть. Она видела цвет. В колбе перед ней билось сердце. Оно было не красным. Оно было цвета закатного пожара, пронизанного

черными нитями — цветом преданной любви.

— Она не просто хранит их, — Лиана коснулась холодного стекла. — Она их изучает. Анатомия чувств.

Внезапно синий луч фонаря Кая дрогнул.

— Смотри под ноги.

Лиана опустила взгляд. Весь пол башни был выложен не плиткой, а мозаикой из тончайших серебряных нитей, образующих сложный рунный узор. И этот узор медленно дышал. Нити едва заметно светились багровым, реагируя на их тепло.

— Первый уровень, — Кай осветил стену. — «Паучье чутье». Мора чувствует вес нашего присутствия. Если мы пройдем дальше, она будет знать каждый наш шаг.

— Значит, пойдем налегке, — Лиана сняла с плеча свою сумку. — Оставим здесь. И металл.

Она стянула с пальца медное кольцо, которое носила еще со времен Нижнего города, и бросила его на пол. Кольцо, коснувшись серебряной нити, вспыхнуло и испарилось.

— Она реагирует на резкие изменения температуры и плотность, — Кай снял тяжелый серебряный значок «Кремнистов» и положил его на порог. Металл зашипел, погружаясь в камень. — Дальше идем босиком. И дышим в сторону.

Они ступили на мозаику. Пол под ногами был ледяным, но нити под их ступнями оставались темными. Они двигались медленно, скользящим шагом, словно танцуя на лезвиях.Они дошли до винтовой лестницы, уходящей в темноту.

— Второй уровень, — Кай посветил фонарем вверх. — «Паутина лжи».Лестница не была каменной. Ступени состояли из застывших человеческих голосов. Каждая плита была сделана из спрессованных звуковых волн, пойманных в кристалл.

— Мора ловит последние слова казненных, — пояснил Кай. — Чтобы использовать их как датчики. Если мы ступим на ложь — на фальшивую клятву или пустое обещание — ступень рассыплется.

Лиана посмотрела на свои руки.

— Я не умею отличать ложь от правды в звуке, — призналась она. — Я вижу только цвет страха.

— А я не слышу, — Кай сжал челюсти. — Я чувствую только плотность. Для меня ложь — это просто более плотный воздух.

Они стояли на пороге лестницы.

— Синхронизация, — сказал Кай. — Единственный способ.Он протянул ей руку. — Бери. Если ты почувствуешь, что человек боялся солгать — скажи. Я проверю плотность. Если я почувствую пустоту — скажу я. Идем только по тем ступеням, которые пройдут двойную проверку.

Лиана вложила свою ладонь в его. Контраст температур был почти невыносимым: ее горячая, живая кровь и его мертвенный, могильный холод.Они шагнули на первую ступень. Она была сделана из клятвы верности. Холодной, формальной, но честной. Ступень выдержала. Вторая. Клятва

любви, данная умирающим. Густая, багровая, пропитанная страхом потери.

— Он врет, — тихо сказала Лиана. — Он боится умирать один. Цвет... густой, как смола.

— Плотность зашкаливает, — подтвердил Кай. — Он врал, чтобы она не отпускала его руку. Не наступай.

Они перешагнули через ступень, вися в воздухе на долю секунды, и опустились на следующую. Это была правда. Горькая, колючая, но чистая. Ступень светилась бледным серебром.Они поднимались так вечность. Шаг лжи, шаг правды, шаг страха. Лиана чувствовала, как по спине течет пот, а Кай начал покрываться испариной — его тело, не привыкшее к такому напряжению, тратило колоссальные ресурсы на анализ плотности воздуха.

***

Они достигли площадки третьего этажа.Здесь ловушки кончились. Вместо колб с пульсирующими органами здесь стояли книжные шкафы. Но книги в них были живыми. Обложки из человеческой кожи едва заметно дышали, приподнимаясь и опадая в такт несуществующему сердцу. Корешки пульсировали бледным, нездоровым светом, реагируя на тепло их тел. Воздух здесь был густым, пахнущим старым пергаментом, засушенными цветами и горьким миндалем — запахом неразделенной любви.

— «Архив разбитых сердец», — прочитал Кай надпись на латунной табличке, покрытой толстым слоем инея. — Здесь

хранятся не заклинания. Здесь хранятся формулы привязанности.

Лиана подошла к ближайшему шкафу. Ее рука сама потянулась к фолианту, от которого исходило мягкое, золотистое сияние, пахнущее летним дождем. Она открыла его. На пожелтевших страницах не было текста. Были схемы. Анатомические карты чужих влюбленностей, нарисованные тончайшими золотыми линиями.Где зарождается симпатия: крошечная, теплая точка за правым ухом, светящаяся персиковым цветом.Как выглядит химическая формула ревности: сложный, пульсирующий ядовито-зеленый узел в районе солнечного сплетения, от которого отходят черные, гниющие нити к желудку.Как перерезать нить привязанности одним словом: рунная вязь, которую нужно вплести прямо в голосовые связки, окрашивая звук в цвет индиго.

— Это учебники, — выдохнула Лиана, перелистывая страницу. — Мора учит «Шелкопрядов» не просто плести иллюзии. Она учит их собирать и разбирать людей. Смотри... это формула материнской любви. Она выглядит как... как корни дерева, оплетающие позвоночник.

Кай не ответил. Он подошел к столу в центре комнаты. На нем лежал один-единственный, открытый на середине альбом. Он был сделан не из бумаги, а из спрессованных лепестков черного тюльпана.Рисунки в нем были выполнены киноварью. Той самой, которую Лиана берегла в своей сумке — цветом свежей, открытой раны. На листах были изображены

лица. Десятки лиц. И у всех них — от младенцев до стариков — были вырваны глаза. Белые провалы глазниц выглядели пугающе аккуратно. А на месте глаз Мора нарисовала сложные, пульсирующие руны, похожие на гнойно-фиолетовые звезды.

— Это она, — голос Кая стал еще холоднее, чем воздух в башне. — Мора. В молодости. Я видел этот почерк в отчетах инквизиции восьмидесятых годов.

Лиана наклонилась ниже, всматриваясь в детали. В углу листа стояла дата, выведенная дрожащей рукой: «12-й год правления Короля-Отца. Проект: Эхо». Двадцать лет назад.

— Что она искала? — спросила Лиана, проводя пальцем по краю рисунка. Бумага была теплой. — Зачем ей глаза?

Кай перевернул страницу. Там был рисунок одного-единственного человека. Мужчины. В отличие от предыдущих жертв, его лицо было пустым — Мора не смогла или не захотела запомнить черты, нарисовав лишь черный, выжженный силуэт. Но его аура на рисунке была выписана не киноварью. Она была цвета абсолютной, звенящей пустоты. Цвета той самой анестезии, которую Кай влил в Лиану в лазарете.

— Она искала того, кто ничего не чувствует, — прошептал Кай, и в его обычно ровном голосе проскользнула нотка первобытного ужаса. — Свое зеркало. Первого «Кремниста». Смотри на руны в глазницах. Она не просто вырывала глаза. Она вставляла туда линзы. Пыталась увидеть мир его глазами. Понять, каково это — смотреть на плачущего ре-

бенка и чувствовать только плотность воздуха.

В этот момент внизу, у входа в башню, раздался оглушительный, режущий уши вой сирены.

— Он сработал на кольцо, — Лиана сжала пустую руку, понимая, что медь давно сгорела на первом этаже. — Она знает, что мы здесь.

Кай захлопнул альбом. Звук получился сухим и окончательным, как удар молотка по крышке гроба.

— Бежим. Третий уровень ловушек убивает не тело. Он стирает душу.

Они бросились к лестнице, но путь вниз был уже отрезан. Серебряные нити на полу вспыхнули ослепительным белым светом, превращаясь в сплошную, непроницаемую стену магического пламени.Кай толкнул Лиану к книжному шкафу, источающему запах лаванды и смерти.

— Сюда! — он ударил кулаком по дереву.

Шкаф, казавшийся монолитным, с тихим шелестом ушел в стену, открывая узкий, пахнущий плесенью и сырой землей тайный ход.Кай втолкнул Лиану в темноту, шагнул следом, и камень за их спинами встал на место, отрезая их от воя сирены и гнева Моры Вейн.

Акт 2. Анатомия власти

Глава 8.

Дыхание в темноте

Воздух в катакомбах пах озоном, мокрым камнем и смертью.

Лиана бежала первой, касаясь кончиками пальцев влажных стен. Старые руны «Шелкопрядов», высеченные здесь столетия назад, пульсировали в темноте бледно-лиловым светом. Для обычного человека это была просто паутина древних знаков. Для Лианы — это была открытая рана.

Каждая руна кричала.

Они несли в себе память о тех, кого Мора замуровала здесь заживо. Лиана чувствовала их липкий, холодный ужас ладонями. Если она ослабит контроль хотя бы на секунду, этот вопль разорвет ее барабанные перепонки.

— Стой, — голос Кая за ее спиной прозвучал как треск ломающегося льда.

Лиана замерла. Тесный каменный мешок, в котором они оказались, едва позволял стоять в полный рост. Сводчатый

потолок давил на макушку, а воздух становился всё горячее — они спускались к геотермальным источникам под рекой.

Кай врезался в нее сзади, и Лиана зашипела.

Его магия больше не была контролируемым климатом. После того как она вернула ему чувства в лазарете, его «холод» стал диким. Он больше не мог просто быть холодным — теперь ему приходилось генерировать его, сжигая собственное тело. От него веяло не морозной свежестью, а температурой открытого космоса.

— Ты горишь, — сказала она, не оборачиваясь. Ее спина покрылась мурашками, но не от страха.— Ты светишься, — прохрипел он.

Лиана опустила взгляд на свои руки. Золотые прожилки «Эпидемии», которые Риз оставил в ней, пульсировали в такт ее сердцу. Она пыталась их глушить, но в темноте, среди мертвых рун, ее собственная «золотая гниль» реагировала на эхо. Она излучала тепло. Для Кая это было всё равно что стоять вплотную к доменной печи.

— Отойди, — приказал он. — Твое плечо… оно дымится.

Лиана шагнула в сторону, прижимаясь к мокрой стене. Камень зашипел там, где ее кожа коснулась рун. Она посмотрела на Кая. В тусклом свете лиловых знаков его лицо казалось высеченным из мрамора, покрытого изморозью. Его волосы были белыми от инея, а на ресницах застряли крошечные льдинки.

Но его глаза… Его глаза были полны паники. Он видел

ее. По-настоящему видел. И то, что он видел — ее золотое свечение, ее румянец, пар, идущий от ее дыхания в ледяном воздухе — причиняло ему физическую боль. Его нервная система, лишенная фильтра, воспринимала жизнь как агрессию.

— Дальше прохода нет, — Лиана кивнула на тупик. Стена была монолитной. — Мора запечатала старую ветку.

Кай подошел к стене. Он протянул руку, и камень перед ним покрылся толстой коркой льда, но руны не погасли. Лиловый свет пробивался сквозь иней, продолжая пульсировать.— Я не могу заморозить магический камень, — процедил он. — Нужна плотность. Удар «Кремниста». А у меня больше нет магии. Только… это. — Он сжал кулак, и на костяшках выступила изморозь.

Лиана закрыла глаза. Она больше не могла рисовать углем. Она не могла плести иллюзии, как учила Мора. Но у нее осталась ее суть. Она положила ладонь на стену.

Она не стала давить. Она начала *рисовать*.

Ее пальцы не двигались, но в темноте перед ее внутренним взором руны начали распадаться на нити. Это была анатомия заклинания. Лиловый — страх смерти. Серый — плотность гранита. Черный — пустота за стеной.

Она нашла узел. Точку, где руна «Запрет» связывала себя с руной «Структура». Вместо того чтобы рвать нить — это вызвало бы обвал — она начала ее плести. Она взяла нить страха и пропустила ее через петлю структуры, завязы-

вая новый, неестественный узел. Она заставила магию поверить, что стена хочет быть открытой. Что ее пустота — это не отсутствие камня, а приглашение войти.

Руны на стене вспыхнули ослепительно-белым светом, а затем с тихим вздохом начали втягиваться в камень, растворяясь. Монолит задрожал. По нему пошли трещины, не физические, а световые, словно стекло покрывалось морозным узором в обратном направлении.

Секунда. Другая.

Стена осыпалась сухим песком, открывая черную пасть тоннеля.

Лиана отдернула руку. Ее пальцы дрожали. На подушечках остался светящийся золотой налет — ее магия буквально вытекла из пор.

Кай стоял, тяжело опираясь о косяк. Его трясло. Он смотрел на нее так, словно видел призрака.— Это не «Шелкопряды», — его голос сел. — Это не плетение. Это… хирургия. Ты не плела иллюзию. Ты переписала код камня.

— Я просто развязала узел, — выдохнула Лиана, прижимая ладонь к груди. Сердце колотилось где-то в горле. — Мора учила нас видеть структуру. Я просто применила это к рунам.

— Мора учила использовать это на людях, — Кай шагнул к ней. Пространство было слишком тесным. Он навис над ней, и волна арктического холода ударила Лиану в грудь.

Она вскрикнула, отшатываясь. Холод Кая больше не был

анестезией. Теперь, когда она чувствовала всё, его прикосновение было похоже на касание раскаленного железа. — Ты обжигает меня, — прошептала она, хватая ртом воздух. На ее коже, там, где прошел его холод, проступило красное пятно обморожения.

— А ты поджариваешь меня изнутри, — он тоже дышал с трудом, сжимая и разжимая кулаки. — Мы не можем касаться друг друга. Мы не можем находиться в одной комнате. Как мы должны спасти город, если мы убиваем друг друга собственным присутствием?

Лиана посмотрела на свои золотые руки, а затем на его ледяные. Она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. Кай зарычал, инстинктивно пытаясь отступить, но сзади была стена.

— Тише, — она подняла руку, но не коснулась его. Она остановила ладонь в дюйме от его груди. — Чувствуешь?

Кай замер. Его глаза расширились. Между ее золотым жаром и его синим холодом, в пустом дюйме воздуха, образовалась зона абсолютного штиля. Точка, где минус сто градусов встречали плюс сорок, и физика сходила с ума. Воздух там стал плотным, как стекло, и вибрировал низким, музыкальным гулом.

— Это не смерть, — сказала Лиана, не опуская руки. — Это равновесие.

Она медленно выдохнула. Золотое свечение вокруг ее руки стало мягче. Кай, глядя на нее, заставил себя расслабить-

ся. Иней на его ресницах начал таять. Вибрация в воздухе стихла, сменившись ровным, теплым теплом.

— Иди, — прохрипел он, отворачиваясь и упираясь лбом в холодный камень, чтобы прийти в себя. — Я следом. Держи дистанцию в три шага. Если я подойду ближе — беги.

Лиана кивнула, хотя он не мог видеть. Она шагнула в темноту нового тоннеля. Впервые с момента встречи они не были хищником и жертвой. Они были болезнью и лекарством. И чтобы выжить, им нужно было научиться не смешиваться.

Глава 9

Слепое пятно

Запах Нижнего города ударил в лицо, как мокрая тряпка.

После стерильной, мертвой тишины катакомб «Шафранового шпиля» вонь неочищенных каналов, паленой смолы и гниющих овощей казалась почти осязаемой. Лиана пошатнулась, хватая ртом воздух. Здесь, в трущобах, ее «золотая гниль» чувствовала себя как дома. Эмоции здесь не были упакованы в руны — они висели в воздухе густым, липким туманом.

— Мы вышли ниже уровня фундамента, — голос Кая прозвучал над ее ухом.

Она инстинктивно дернулась, снова обжегшись о его присутствие. После того как они прошли через стену рун, его холод стал еще более агрессивным. Он шел за ней, держа дистанцию ровно в три шага, как и приказал. Этот зазор между ними звенел от напряжения, словно натянутая струна.

— Куда теперь? — спросил он. В темноте тоннеля его глаза светились призрачным голубым светом, поглощая редкие блики от гниющей воды внизу.

Лиана огляделась. Они стояли в заброшенном акведуке. Вокруг возвышались горы мусора, уходящие под самые сво-

ды.

— Я не знаю, — призналась она. — Я не была здесь… снаружи… три года. Всё изменилось.

— Ты выросла здесь, — в голосе Кая не было вопроса. — Ты должна знать каждую крысиную нору.

— Я знаю те, что пахнут страхом, — огрызнулась Лиана. — А сейчас Нижний город пахнет… надеждой. Это сбивает с толку.

Она сделала шаг вперед, и ее ботинок с хрустом провалился сквозь прогнившую доску. Кай среагировал мгновенно — вспышка инея заморозила труху, превратив ее в хрупкую опору, прежде чем Лиана успела провалиться по колено.

— Спасибо, — буркнула она, вытаскивая ногу.

Внезапно сверху, со стороны решетки канализации, донесся свист. Негромкий, переливчатый, похожий на песню иволги.

Кай мгновенно превратился в статую, растворяясь в тени. Лиана замерла, положив руку на рукоять кинжала, который он заставил ее взять. Свист повторился. На этот раз к нему добавился звук отодвигаемого камня.В стене акведука, которую Лиана считала монолитной, открылся проем. Из темноты пахнуло сушеными травами, спиртом и чем-то неуловимо сладким — корицей.В проеме показалась фигура.

— Я уж думал, вы решили устроить пикник в руинах, — Риз перешагнул через порог, отряхивая руки. На нем не было академической формы — только потертая кожаная курт-

ка и штаны из грубой ткани. Он выглядел как местный контрабандист, если бы не глаза. Золотые, светящиеся даже в полумраке, они казались чужеродными в этом сером мире.

— Риз, — выдохнула Лиана. Напряжение, державшее ее плечи три часа, наконец-то отпустило. Она сделала шаг к нему, но тут же остановилась, вспомнив о Кая. Золотое сияние, исходящее от Риза, было маяком в ее слепоте.

Риз усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Он перевел взгляд на брата.

— Младший магистр «Кремнистов» гуляет по канализации. Должно быть, день сегодня особенный.

Кай выступил из тени. Иней на его плаще начал таять, соприкоснувшись с влажным воздухом трущоб, и зашипел.

— Мы уходим от преследования, — отрезал он. — Мора объявила нас в розыск. Где твоя лодка?

— Лодка? — Риз фыркнул. — Мора не идиотка, братец. Она перекрыла реку. Любой выход на воду — это ловушка.

Он подошел к Лиане. От него пахло жизнью.

— Ты выглядишь как труп, — тихо сказал он, беря ее за подбородок и поворачивая к скудному свету. — Золотая лихорадка выжигает вены. Ты чувствуешь свои пальцы?

Лиана посмотрела на руку. Кончики действительно онемели, а золотая паутина под кожей пульсировала болезненно, в такт мигрени.— Они… звенят.

— Это начало конца, — Риз отпустил ее и полез в сумку. — Сядь. Сейчас будет неприятно.Он достал стеклянный

шприц, наполненный густой, маслянистой жидкостью цвета темного янтаря.

— Что это? — Кай сделал шаг вперед. Его голос стал опасным.— То, что ты должен был ей дать, вместо того чтобы превращать в ледышку, — Риз не смотрел на брата, его внимание было полностью сосредоточено на вене Лианы. — Мой перегной. Синтезированная эмпатия. Она сожгла себя, спасая тебя, Кай. Ее нервная система сейчас похожа на пережаренное мясо. Это снимет боль.

— Ты отдаешь ей свой резерв, — голос Кая стал еще тише. — Ты отдаешь «Кремнисту» свою магию.

Риз наконец поднял глаза. Улыбка исчезла с его лица окончательно.

— Она не «Кремнист», Кай. И ты это знаешь. Ты просто боишься признать, что она — нечто третье. Нечто, что пугает тебя больше, чем моя радость.

Лиана закатала рукав. Она не колебалась. Игла вошла в вену. По телу мгновенно разлилось густое, тяжелое тепло. Золотая паутина под кожей начала медленно гаснуть, втягиваясь обратно. Боль в висках отступила, сменившись приятной, сонливой тяжестью. Она оперлась спиной о влажный камень и закрыла глаза.

— Ты используешь ее, — слова Риза прозвучали как удар хлыста в наступившей тишине. — Ты позволил ей исцелить тебя, зная, что это сломает ее фильтр. А теперь ты тащишь ее в Западную башню. Зачем? Думаешь, если она станет та-

кой же мертвой, как ты, ты наконец сможешь ее трахнуть без отвращения к себе?

Кай не пошевелился. Лиана открыла один глаз, ожидая увидеть Кая замороженным в ледяную глыбу.Но Кай не использовал магию. Он просто стоял. Его плечи поднялись, и на секунду он показался Лиане просто очень уставшим, очень высоким человеком.А затем он шагнул к брату.Он двигался так быстро, что Лиана не успела даже вдохнуть. Он схватил Риза за горло, но не магией — рукой. Его пальцы, даже без инея, были ледяными.

— Еще одно слово о ней, — прошипел Кай, приподнимая Риза над землей. Риз не сопротивлялся, он лишь вцепился в запястье брата, пытаясь разжать хватку, его золотые глаза начали закатываться. — Еще одно слово о том, чего ты не понимаешь, и я вырву тебе гортань голыми руками. Я не Мора. Мне не нужны руны, чтобы убивать.

— Кай! — Лиана вскочила на ноги. Ее снова накрыло волной слабости. — Отпусти его! Ты убьешь его!

Кай замер. Он посмотрел на свои руки, сжимающие шею брата. Затем на Риза, который уже начал синеть. Медленно, с видимым усилием, он разжал пальцы.Риз рухнул на колени, заходясь в кашле. Он уперся руками в грязный пол, жадно глотая воздух.Кай отступил на шаг. На его безупречном лице не было гнева. Было что-то гораздо худшее — абсолютная, пугающая пустота.

— Я не использую ее, — сказал он, обращаясь к кашляю-

щему брату. Его голос был лишен всяких эмоций. — Я единственный, кто видит, сколько она стоит. Ты лечишь ее, чтобы она сияла для тебя. Мора хотела сделать из нее инструмент. А я… я просто хочу, чтобы она выжила. Разница в том, брат, что я готов позволить ей ненавидеть меня за это.

Риз поднял голову. Его золотые глаза были полны влаги и ярости, но он промолчал. Он встал, пошатываясь, и прислонился к стене.Лиана стояла между ними. Тепло от инъекции боролось с ледяным холодом, исходящим от Кая. Она посмотрела на одного брата, затем на другого.

— Лодка, — хрипло сказала она, прерывая затянувшееся молчание. — Ты сказал, река перекрыта. Как мы выберемся?

Риз потер шею, не сводя глаз с Кая.

— Через Старый Рынок, — ответил он, наконец отдышавшись. — Там есть коллектор, который ведет в заброшенные соляные копи. Мора о них забыла.

— Веди, — приказал Кай.

Риз сплюнул на пол сгусток крови и махнул рукой, уходя во тьму тоннеля.Кай пропустил Лиану вперед. Когда она проходила мимо него, он едва заметно, кончиками пальцев, коснулся ее плеча. Это было мимолетное, почти незаметное движение, но Лиана почувствовала его даже сквозь ткань — короткий импульс холода, означающий «я всё еще здесь».Она не обернулась. Но ее шаг стал тверже.Они уходили в темноту, и эхо их шагов сливалось в один неровный ритм: шаг-золото, шаг-лед, шаг-золото, шаг-лед. Трое поломанных лю-

дей, пытающихся собрать из своих осколков что-то, способное спасти город.

Глава 10

Формула пустоты

Безопасность в «Шафрановом шпиле» была иллюзией, построенной на страхе.

Лиана поняла это, когда они с Каем выбрались из катакомб через заброшенный водосток под Восточной башней. Вместо того чтобы вернуться в свои покои, Кай, не проронив ни слова, повел ее в секцию «К», крыло, где хранились конфискованные артефакты и личные дела «особо опасных» магов.

У него был доступ ко всему.

Кабинет Кая здесь был лишен окон. Стены от пола до потолка занимали стальные шкафы. Воздух пах озоном, металлом и застарелой кровью.

— Садись, — бросил он, бросая на стол тяжелый плащ, с которого всё еще капала вода из канализации.

Лиана села в кресло для допросов. Кожаные ремни на подлокотниках были истерты до блеска. Она потерла запястья, на которых остались красные следы от «Паутины» Моры.Кай достал из своей сумки хрустальный флакон с мыслями декана, а затем — альбом Моры, обернутый в плотную черную

ткань.

— Мора думает, что мы ищем оружие, — сказал Кай, кладя альбом на стол. — Она заперла нас в башне, чтобы мы не мешали «Чистке». Она считает, что мы либо мертвы, либо предали ее.

— Она не ошиблась в расчетах, — Лиана кивнула на альбом. — Кроме части про предательство.

Кай положил рядом флакон с зеленой жижей.

— Начнем с этого. Твоя работа. — В его голосе не было похвалы, только сухой анализ. — Ты не просто изменила эмоцию. Ты создала когнитивный диссонанс. Декан будет видеть в падчерице угрозу, пока не передаст ее Море. Это… элегантно.

— Это была ложь, — Лиана поморщилась. — Я не люблю лгать. Это слишком… запутанно. Нет структуры.

— Ты любишь структуру, Вейн. Ты просто ненавидишь грязь, — Кай открыл альбом.Обложка из черного тюльпана была мягкой на ощупь. Лиана наклонилась, вдыхая запах старых чернил и чего-то химического.Кай открыл первую страницу. Как и в прошлый раз, там были лица с вырванными глазами. Но теперь, после подземелий, Лиана видела это иначе. Это были не просто рисунки. Это были чертежи.

— Она не вырывала глаза, — Лиана коснулась страницы кончиком пальца, не задевая руну. — Она ампутировала зрительный нерв, чтобы убрать субъективность. Глаза — это зеркало души, они искажают данные. Море нужны были

только чистые сигналы.

Кай промолчал. Он перевернул страницу. Лиана затаила дыхание.На развороте была изображена женщина. Или то, что от нее осталось. Это был анатомический атлас, но вместо мышц и костей были обозначены зоны эмоций.

1. Зона «Привязанность» (грудная клетка) была заштрихована черным и помечена как «Избыточный вес. Удалить».

2. Зона «Эмпатия» (префронтальная кора) была перечеркнута красным крестом. Рядом стояла формула: «Блокада синапсов 5-HT2A. Замена на руну „Индифферентность“».

3. Зона «Страх» (миндалевидное тело) была выделена желтым. Приписка гласила: «Сохранить. Страх перед кураторами повышает производительность на 40%».

— Она не пыталась создать идеального мага, — голос Лианы сел. — Она пыталась создать идеальный… инструмент.

— Идеального солдата, — поправил Кай. Он водил пальцем по строчкам, его ноготь оставлял на стекле чертежа иней. — Тело, способное выдерживать колоссальные перегрузки «Кремниста», мозг «Шелкопряда», способный анализировать поле боя, и полное отсутствие эмпатии, чтобы не сойти с ума от чужой агонии.

Лиана почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Это была не магия. Это была вивисекция. Мора не хотела править миром. Она хотела построить армию из живых мертвецов.

— Листай дальше, — приказала Лиана. Ее голос стал жестким. — Где формула? Как она это делала?

Кай перевернул еще несколько страниц. Остановился на схеме, напоминающей корень дерева.

— Это не руна, — сказал он. — Это алхимический конструкт. «Корона Пепла». Она не стирает память. Она… отсекает ее. Отделяет личность от эмоциональной реакции.

Лиана вгляделась в переплетение линий. В центре конструкции, где должен был быть «якорь» — имя или личная вещь жертвы — зияло пустое место.

— Она не могла запустить это на других, пока не проверила на себе, — прошептала Лиана. — Посмотри на края. Видишь эти микро-узелки? Это следы сопротивления. Тот, на ком это испытывали, боролся.

Кай кивнул. Он пролистал альбом до конца. Последние страницы были вырваны с корнем, остались лишь клочки бумаги в переплете.

— Она уничтожила финал. Источник. Прототипа.

— Нет, — Лиана резко подалась вперед, схватив альбом. — Она не уничтожила. Она спрятала.

Она закрыла глаза, прижимая ладони к пустым страницам в конце. Она не пыталась «плести». Она просто слушала. Бумага помнит. Чернила помнят. Боль помнит.Она почувствовала это — фантомное эхо. Остаточный магический след, который Мора пыталась соскрести, но не смогла. Это была не формула. Это было имя.

Лиана открыла глаза. Ее зрачки на мгновение вспыхнули киноварью.

— Она не называла это «Проектом», — сказала она, и ее голос дрожал. — Она называла это «Объект». Как вещь. «Объект Ноль».

Кай замер. Его иней на пальцах начал таять.

— Ноль, — повторил он. — Начало отсчета. Базовая модель.

— Это не солдат, Кай, — Лиана подняла на него взгляд. В ее янтарных глазах стоял ужас. — Это прототип. Тестовый образец. Она вырезала эмпатию не у преступников. Она вырезала ее у кого-то, кто был… важен. Кто-то, чья боль в этом альбоме ощущается как фоновый шум, потому что она была всегда.

Кай медленно опустился в кресло напротив. Впервые за всё время Лиана увидела, как его идеальная маска дает трещину. Он смотрел на чертеж «Короны Пепла», и в его голубых глазах отражалось понимание.

— Если мы найдем «Ноль»… — начала Лиана.— Мы найдем ее слабое место, — закончил за нее Кай. — Человека, которого она не смогла превратить в монстра до конца.

Он встал и подошел к стальному шкафу в углу. Набрал код. Шкаф щелкнул. Внутри, среди папок с делами казненных, лежал одинокий, толстый конверт без маркировки.Кай достал его. На конверте была только одна буква, выведенная тем же каллиграфическим почерком, что и даты в альбоме:

«Ω» (Омега).

— Конец, — прошептал Кай. — Или начало.

Он бросил конверт на стол перед Лианой. Их руки встретились над бумагой. Лед Кая и золотое тепло Лианы столкнулись, создавая облачко пара.Лиана взяла конверт. Внутри была не бумага. Там лежала прядь волос, перевязанная черной лентой. Волосы были не белыми, не серебряными и не черными. Они были цвета пепла.Лиана подняла прядь к лицу. В тот же миг чертежи в альбоме на столе вспыхнули слепящим белым светом, а затем осыпались серым пеплом.«Объект Ноль» только что проснулся.

Глава 11

Искры на пепелище

Академия «Искр» пахла озоном, раскаленным металлом и дешевым дешевым потом.После стерильной геометрии «Кремнистов» и паутины «Шелкопрядов» восточное крыло казалось Лиане базаром. Здесь всё было слишком: слишком громкие голоса, слишком яркие мантии, слишком много смеха. Золотые прожилки «Эпидемии» всё еще пульсировали под ее кожей, но инъекция Риза делала свое дело — она больше не чувствовала себя голой. Она чувствовала себя обернутой в теплое, пыльное одеяло.

Декан «Искр», женщина с кожей цвета жженой сиены и волосами, заплетенными в сотни косичек с медными бусинами, окинула Лиану взглядом мясника.

— «Кремнисты» прислали нам свою проблему, — констатировала она, обращаясь к аудитории из тридцати человек. — Говорят, у тебя дефектный фильтр. Говорят, ты чувствуешь слишком много.

Лиана стояла в центре тренировочного круга. Пол был покрыт слоем пепла и песка.

— Я не чувствую «слишком много», — ровно ответила

Лиана. — Я чувствую всё.

— Тогда ты должна была сгореть еще в колыбели, — декан щелкнула пальцами. — Покажи нам «всё».

Ее оппонент шагнул в круг. Это был второкурсник, на две головы выше Лианы, с руками, похожими на стволы деревьев. Его аура полыхала агрессивным, неоновым цианом — цветом подростковой самоуверенности и желания впечатлить декана.

— Урок первый, — ухмыльнулся он, создавая в ладони сгусток плазмы. — «Искры» не чувствуют. «Искры» — бьют.Он ударил.Это не был сгусток огня. Это была чистая кинетическая энергия — сжатый до предела воздух, разогретый до температуры плавления камня. Он летел прямо в грудь Лианы.Лиана не стала ставить щит. Щит — это оборона. Оборона — это признание силы противника. Она шагнула в сторону, пропуская разряд вдоль своего плеча.Для обычного человека это было бы невозможно. Но Лиана видела не молнию. Она видела цвет. Она видела траекторию агрессии.Плазма пролетела мимо, врезавшись в защитный барьер под потолком. Раздался оглушительный звон. Аудитория ахнула.

— Уклонение, — фыркнул парень. — Умно для грязи из Нижнего города. Но «Искры» не бегают.Он ударил снова. На этот раз — веером. Три сгустка синего огня.Лиана закрыла глаза. Она не видела их глазами. Она рисовала их. В ее сознании пространство превратилось в чертеж. Синяя линия

— первый разряд. Красная — второй. Багровая, рваная — третий, самый сильный, в который парень вложил свой страх провала.Она шагнула вперед. Прямо в атаку.В последний момент она упала на колени, пропуская разряды над головой, и коснулась ладонью пепла на полу.Она не использовала свою магию. Она использовала его. Она зачерпнула горсть пепла — остатков сотен сгоревших иллюзий — и швырнула его в лицо противнику.Парень инстинктивно зажмурился. В ту же секунду Лиана была уже рядом.Она не била кулаком. Она ударила открытой ладонью прямо в центр его груди, туда, где под мантией билось сердце. Она вложила в этот удар не физическую силу, а импульс — чистую кинетику, скопированную с его же собственной магии.Парень отлетел назад на три метра и рухнул в кучу песка, подняв облако пыли. Он был жив, но его аура мигала, как перегоревшая лампочка. Он был пуст.В зале повисла тишина. Слышно было только, как где-то капает вода.Декан «Искр» медленно подошла к Лиане. Она больше не улыбалась.

— Это не магия «Искр», — тихо сказала она. — Это математика. Это анатомия. Ты не сожгла его. Ты просто… вынула батарею.

— Я не хочу быть «Искрой», — Лиана вытерла испачканную пеплом руку о штаны. — Я хочу знать, как они горят.Декан прищурилась, ее медные бусины тихо звякнули. — Занятно. Мора прислала нам мясника, а прислала ювелира.Она обернулась к аудитории.— Урок окончен. А ты, Вейн, иди

за мной. Декан «Кремнистов» прислал письмо. Личное.

***

Кабинет декана «Искр» был залит светом. Огромные окна выходили на полигон, где студенты швырялись молниями, окрашивая небо в неестественный фиолетовый.Декан села за стол, жестом указав Лиане на кресло.

— Кай просил присмотреть за тобой, — она достала из ящика стола два бумажных пакета. — Сказал, что ты не ешь.Она бросила один пакет Лиане. От него пахло шоколадом, вишней и чем-то неуловимо домашним.— Он боится, что ты сломаешься, — декан развернула свой пакет, доставая кусок торта. — Он думает, что если он заморозит твои эмоции, ты станешь послушной.

Лиана взяла торт. Он был еще влажным внутри. Первый кусок, который она положила в рот, взорвался на языке сладостью. Она закрыла глаза. Это был вкус желтого. Цвет смеха. Цвет жизни, которая не стоит никому агонии.

— Он ошибается, — декан жевала с явным удовольствием. — Ты не сломаешься. Ты уже сломана. Разница в том, что Мора хотела собрать тебя заново, чтобы получился нож. А Кай… — она сделала паузу. — Кай просто хочет, чтобы нож не порезал его самого.

Лиана открыла глаза.

— Почему вы помогаете нам? Вы же «Искра». Вы должны любить хаос.

— Я люблю эффективность, — декан усмехнулась. — Мо-

ра — это плохая архитектура. Она строит здание, которое рухнет под собственным весом. Если «Шафрановый шпиль» рухнет, «Искры» сгорят первыми.Она встала и подошла к окну, глядя на фиолетовые вспышки.— Риз, — вдруг сказала она. — Он приходил ко мне вчера. Просил защиты.

Лиана напряглась.

— Он не просил защиты, — тихо сказала Лиана. — Он просил убежища для тех, кого Кай пометил на «Чистку».

— Я знаю, — декан кивнула. — Я дала ему список. Список «Искр», которые слишком яркие. Которые не смогут притвориться мертвыми, когда начнется жатва.

Она повернулась к Лиане. Ее глаза были серьезными.

— Твой "брат" — хороший человек, Вейн. Это самая опасная вещь в нашей академии. А твой… декан «Кремнистов»… он просто напуган. Он впервые в жизни не знает, как заморозить проблему.

Лиана доела торт. Сладость согрела ее изнутри, прогоняя остатки «золотой гнили».

— Он научится, — сказала она.

— Надеюсь, — декан вернулась к столу и взяла колокольчик. — Потому что Мора не будет сидеть в камере вечно. И когда она выйдет, ей понадобится новый альбом.Она позвонила в колокольчик. — Я перевела тебя в общежитие «Искр». Восточное крыло, четвертый этаж. Твоя соседка — пироманка, которая рисует огнем на стенах. Постарайтесь не сжечь корпус.

Лиана вышла в коридор. Она чувствовала тепло торта в животе и тяжесть слов декана в голове.Она дошла до поворота, ведущего к восточному крылу, и остановилась. В тени арки стоял Кай.Он не пытался скрыться. Его мундир был безупречен, но волосы были влажными — он бежал.

— Ты ела, — констатировал он, глядя на ее губы, перепачканные шоколадом.

— Да, — Лиана скрестила руки на груди. — Торт был хорош.

Кай сделал шаг к ней. Между ними было всего два шага. Его холод снова начал сковывать воздух, но Лиана больше не отшатывалась. Она знала, что это не оружие. Это его кожа.

— «Искры» считают тебя угрозой, — сказал он. — Декан считает, что ты слишком умна.

— А ты? — спросила она. — Что ты считаешь, Кай?

Он долго смотрел на нее. В его бледно-голубых глазах не было льда. Там была только бесконечная, пугающая глубина.

— Я считаю, — медленно произнес он, — что если мы не найдем «Объект Ноль» в течение недели, Мора использует Реактор. И тогда не будет иметь значения, кто что считает.

Он развернулся и пошел прочь, его шаги гулко отдавались от мрамора.Лиана смотрела ему вслед. Она подняла руку и коснулась своих губ. На пальцах остался след шоколада. Впервые за долгое время она почувствовала не тяжесть воды в легких, а просто… сытость.

Но где-то глубоко внутри, там, где раньше была пустота,

теперь пульсировала новая, острая эмоция. Страх. Не за себя. За человека, который только что пытался съесть торт, чтобы научиться чувствовать вкус.

Глава 12

Шрамы не замерзают

Восточное крыло академии пахло озоном, нагретым камнем и сладковатым дымом — побочным эффектом соседки-пироманки, которая пыталасВосточное крыло академии пахло озоном, нагретым камнем и сладковатым дымом — побочным эффектом соседки-пироманки, которая пыталась нарисовать феникса на стене своей комнаты. Лиане, привыкшей к запаху сырости и страха, этот аромат казался почти уютным, но ее собственное тело так не считало.После инцидента в катакомбах и драки в «Платиновом шпиле» ее нервная система дала сбой. Золотые прожилки «Эпидемии» под кожей пульсировали в ритме мигрени, а кончики пальцев онемели. Она сидела на краю своей новой кровати, сжимая и разжимая кулаки, пытаясь удержать рвущийся наружу цвет. Стены комнаты — обычно ослепительно белые — сейчас казались ей покрытыми радужной пленкой, как бензин на воде.

Дверь открылась без стука.Кай вошел, плотно закрыв за собой створку. Он не стал зажигать магические сферы. В полумраке его фигура казалась вырезанной из лунного света. Он подошел к столу, положил на него металлический футляр, и Лиана услышала тихий, зловещий хруст — это иней,

покрывавший его перчатки, осыпался на дерево.

— Ты светишься, — сказал он вместо приветствия. Его голос был лишен эмоций, но Лиана, ставшая невероятно чувствительной после их близости в катакомбах, уловила в нем нотку глухого раздражения. — Вся. Как маяк для «Шелкопрядов».

— Я не могу это остановить, — голос Лианы дрогнул. Золотая паутина на ее предплечье вспыхнула ярче. — Она внутри меня, Кай. Риз… он оставил это, чтобы я выжила, но теперь оно жрет меня изнутри.

Кай медленно повернулся. В темноте его глаза — обычно бледно-голубые — казались почти черными, но в центре каждой радужки горела крошечная, неестественно яркая синяя искра.

— Это не яд, — произнес он, подходя ближе. — Это избыточный потенциал. Риз отдал тебе свой резерв. Твое тело не знает, что с ним делать, поэтому оно светится. Оно пытается сжечь само себя.

Он остановился в шаге от нее. Воздух между ними стал ледяным. Лиана поежилась, обхватив себя руками.

— Отойди. Ты делаешь мне больно.

— Нет, — Кай покачал головой. — Тебе больно от того, что энергия ищет выход и рвет твои сосуды. Я — единственный здесь, кто может выпустить пар, не устроив взрыв.

Он открыл металлический футляр. Внутри, в гнездах из черного бархата, лежали не шприцы. Там были тонкие, длин-

ные иглы, выточенные из цельных кусков горного хрусталя. Они не отражали свет — они его поглощали.

— Что это? — Лиана отпрянула к спинке кровати.

— Хирургия, — Кай вынул одну иглу. Она была покрыта толстым слоем инея, хотя в комнате было тепло. — Мора пыталась вырезать твои эмоции. Я пытался их заморозить. Оба метода оставляют шрамы. Мы сделаем это чище.

— Я не позволю тебе тыкать в меня этой штукой, — она попыталась встать, но Кай оказался быстрее. Он не толкнул ее — он просто шагнул вплотную.Его холод больше не был просто температурой. Это была гравитация. Лиана оказалась вморожена в пространство между его грудью и стеной. Она не могла пошевелиться, не могла набрать полную грудь воздуха — он превращался в ледяные кристаллы еще в трахее.

— Дыши, — приказал он. — И смотри на меня.

Кай поднял хрустальную иглу. Он не стал целиться в нее. Он поднес острие к своему собственному запястью. Лиана затаила дыхание.Кай прижал иглу к своей коже. Раздалось тихое шипение, похожее на звук капающей на снег воды. На запястье Кая мгновенно вырос толстый, прозрачный столбик льда, запечатывая кровь. Но игла не остановилась. Она прошла сквозь лед, как сквозь масло, и коснулась вены.Лиана ахнула, хватая ртом воздух. Она почувствовала это. Не как боль, а как *отсутствие*. Кай втягивал в иглу собственное тепло, свою жизненную силу, превращая ее в абсолютный ноль.

— Смотри внимательно, Вейн, — прохрипел он. Его лицо исказилось от усилия, но глаза… В его глазах не было пустоты, которой она так боялась. Там была бесконечная, выжженная дотла усталость. Это были глаза человека, который тащит на себе гору уже тысячу лет.Он резко отдернул иглу от своего запястья. Ледяной нарост рассыпался в пыль. Кай перехватил инструмент, как писчее перо, и повернулся к Лиане.

— Руку, — скомандовал он.

— Кай, пожалуйста…

— Руку. На стол. Ладонью вверх.

Дрожа, Лиана подчинилась. Она положила руку на холодное дерево. Золотые прожилки на ее коже пульсировали в такт сбитому сердцебиению.Кай склонился над ней. Его волосы упали на лицо, иней на кончиках таял, оставляя капельки воды на ее коже.

— Я не буду тебя лечить, — тихо сказал он, и его дыхание коснулось ее шеи, превращаясь в пар. — Я буду тебя *настраивать*. Как настраивают рояль, обрывая слишком тугую струну. Будет очень больно. Но если ты закричишь, «Искры» решат, что у них в крыле завелся призрак, и придут проверить.

Он занес иглу. Лиана зажмурилась.Первое касание пришлось на самую яркую золотую нить у основания ее большого пальца.Боли не было. Был звук. Чистый, высокий звон лопнувшего хрусталя. Кай не прокалывал кожу. Острие иг-

лы, холодное настолько, что нарушало законы физики, просто погасило магию. Золотая нить под его касанием почернела и осыпалась пеплом.Лиана вцепилась свободной рукой в край стола. Ее ногти побелели. Она закусила губу, чувствуя, как по подбородку течет теплая струйка крови. Это была агония наоборот — не взрыв, а схлопывание.

Каждый укол иглы забирал часть «песни» Риза, оставляя вместо нее звенящую, холодную тишину.

— Дыши, — повторил Кай, его голос стал ниже, вибрируя от напряжения. — Чувствуй боль. Это якорь. Боль — это единственное, что реально.

Он работал быстро и методично. Игла порхала над ее рукой, как лапка паука.

Звон. Звон. Звон.

Лиана открыла глаза, чтобы не сойти с ума от этого звука, и посмотрела на него.В полумраке комнаты его профиль казался высеченным из древнего камня. Капли пота катились по его виску, хотя от него веяло морозом. Он был сосредоточен так, как не был сосредоточен никогда в жизни. Он не пытал ее. Он спасал.И в этот момент Лиана увидела его по-настоящему. Она увидела не «Кремниста», не машину для убийств, не ледяную статую. Она увидела мужчину, который держал в руках ее разрушение и пытался превратить его в порядок, обжигая собственные пальцы.

— Здесь, — прошептал Кай, касаясь иглой ее центра ладони. — Здесь самый большой узел. Риз вложил сюда слиш-

ком много. Если мы его не развяжем, ты сожжешь себе сердце.

Он надавил.Вселенная Лианы схлопнулась в одну точку. Это не было похоже на удар. Это было похоже на падение в ледяную прорубь. Вся золотая эйфория, всё тепло, вся радость, которую Риз влил в нее, рванулась к этой игле, пытаясь спастись. Лиана выгнулась дугой, ее крик застрял в горле, превратившись в беззвучный хрип.Мир померк. Последнее, что она видела — это глаза Кая.

Он смотрел не на ее руку. Он смотрел на ее лицо. И в тот момент, когда она думала, что умрет, она увидела, как в его идеальной голубой бездне отражается ее собственное искаженное лицо.А потом — щелчок.Боль исчезла. Осталась только звенящая пустота и холод. Чистый, спокойный холод, который больше не обжигал.

Лиана обмякла, тяжело дыша. По щекам текли слезы, смешиваясь с кровью из прокушенной губы.Кай выронил иглу. Она упала на пол с тихим стуком. Его руки дрожали. Он тяжело оперся о стол, пытаясь восстановить дыхание. Иней на его волосах растаял окончательно, и темные пряди прилипли ко лбу. Он выглядел изможденным.

— Всё, — хрипло сказал он. — Поток перекрыт. Остаточный фон безопасен.

Лиана медленно подняла руку. Она больше не светилась. Кожа была бледной, почти прозрачной. На ладони, там, где была игла, чернела крошечная точка обморожения — иде-

альный круг абсолютного нуля.Она посмотрела на Кая. Он тяжело привалился к столу, закрыв глаза. Его грудь вздымалась в рваном ритме.Лиана протянула руку и коснулась его щеки.Его кожа была ледяной, но больше не причиняла ей боли. Теперь это был просто холод. Человеческий холод.Он вздрогнул от ее прикосновения и открыл глаза. В них больше не было бесконечной усталости. Там было что-то другое. Что-то, что заставило Лиану задержать дыхание.Благодарность. И страх.

— Ты… ты отдал мне часть себя, — прошептала она, глядя на его запястье, где под манжетой наверняка скрывался свежий ожог от холода. — Чтобы забрать мое.

Кай накрыл ее ладонь своей, прижимая к своей щеке. Его пальцы были похожи на ледяные тиски, но хватка была нежной.

— Я не мог позволить тебе сгореть, — прошептал он в ее ладонь. — Ты слишком ярко светишься, Вейн. В моем мире… слишком темно.

Он не поцеловал ее. Он просто стоял так, впитывая ее тепло своей щекой, пока его кожа не перестала быть белой и не обрела едва заметный розоватый оттенок.Лиана стояла, замерев, боясь разрушить этот хрупкий момент абсолютного, геометрически выверенного доверия. В комнате пахло озоном, кровью и чем-то новым. Чем-то, что пахло безопасностью.

Глава 13

Паучье молоко

Лиана проснулась не от звука, а от отсутствия тепла.

Кровать рядом была пуста и холодна настолько, что простыни покрылись тонким слоем инея. Кая не было. На подушке лежал лишь маленький, идеально ровный кубик льда, внутри которого замерзла капля ее крови — напоминание о вчерашней ночи.

Она сжала лед в кулаке, чувствуя, как он тает, превращая ее ладонь в мокрую, дрожащую перчатку. События последних суток — катакомбы, «Искры», хирургия Кая — сплелись в тугой узел в животе. Но самым ярким воспоминанием были его глаза. Не пустота. Усталость.

Дверь в ее комнату в общежитии «Искр» открылась.На пороге стояла не соседка-пироманка. Там стояла Мора.

Она не стала входить. Она просто стояла в проеме, и солнечный свет из коридора падал ей на спину, превращая ее силуэт в черный провал. В руках она держала металлический поднос, на котором стоял одинокий стакан с мутной белесой жидкостью.

— Доброе утро, студентка Вейн, — голос Моры был лишен интонаций, но Лиана почувствовала, как температура в

комнате упала на десять градусов. — Я принесла тебе завтрак. Традиционное «Паучье молоко». Помогает сосредоточиться.

Лиана села, натянув одеяло до подбородка. Она чувствовала себя обнаженной, хотя на ней была плотная ночная рубашка. Мора знала. Она знала всё.

— Я не голодна, — голос Лианы прозвучал хрипло.

— Это не предложение, — Мора шагнула в комнату. Она двигалась бесшумно, но Лиана слышала треск замерзающего в воздухе пара при каждом ее выдохе. — Это приказ.

Мора подошла к столу и поставила стакан. Белая жидкость внутри него медленно вращалась сама по себе, испуская слабое фосфоресцентное сияние.

— Ты была в Западной башне, — сказала Мора, не поворачиваясь. — Альбом. «Объект Ноль». Ты думала, я не узнаю? Камеры в «Платиновом шпиле» отключаются только по моему коду. А твой декан «Кремнистов» забыл, что у меня есть дубликаты.

Лиана почувствовала, как ледяной узел в животе затягивается еще туже.

— Если вы знали, почему не остановили нас?Мора наконец повернулась. Ее бесцветные глаза смотрели сквозь Лиану.

— Потому что я хотела посмотреть, что вы украдете. Вы искали оружие? Или отца? — она усмехнулась, и ее лицо на мгновение превратилось в маску мертвеца. — Какая иро-

ния. Ты ищешь «Ноль», чтобы спасти его, не понимая, что «Ноль» — это единственное, что удерживает меня от того, чтобы сжечь академию дотла.

Она подошла к кровати. Лиана вжалась в спинку.

— Ты принесла мне альбом, Вейн. Я знаю, что он у тебя. Страницы не просто вырваны — они сожжены. Твоя киноварь оставила след.

Мора наклонилась, упираясь руками в стол. Ее тень накрыла Лиану.

— Но ты совершила ошибку. Ты не просто взяла альбом. Ты влезла в голову декану Ректора. Он теперь видит во мне угрозу. Он начал копать.

— Он честный человек, — выпалила Лиана.

— Он напуганный старик, — отрезала Мора. — И он ищет виноватого.

Мора выпрямилась.

— У меня есть два протокола, Вейн. Первый: «Измена Короне». Вчера ночью из архивов «Кремнистов» пропало личное дело «Объекта Ноль». Пропало вместе с печатью доступа.

Лиана похолодела.

Кай. Он взял дело после того, как они вернулись. Он пытался защитить ее, уничтожив следы.

— Подпись на акте изъятия — Кай. Доказательство — кристалл памяти из коридора. На нем четко видно, как магистр «Кремнистов» выносит папку. За это полагается три-

бунал. Публичное лишение магии. А затем… — Мора сделала паузу, наслаждаясь моментом. — Передача «Объекта Ноль» в мои руки для «окончательной утилизации».

Лиана вцепилась в одеяло так, что побелели костяшки.

— Чего вы хотите?

— Я хочу знать всё, — Мора вернулась к столу, взяла стакан с «Паучьим молоком» и сделала глоток. — Ректор копает. Он ищет компромат на меня в казначействе. Я хочу знать, о чем он говорит в своей спальне. О чем он думает, когда остается один.

— Я не «Шелкопряд», — Лиана покачала головой. — Я не умею плести тонкие сети. Я сломаю его.

— Мне не нужна тонкая сеть, — Мора подошла вплотную и протянула стакан Лиане. — Мне нужен яд. Я хочу, чтобы ты влила это ему в чай. Это не заклинание. Это просто… химия. Она сделает его параноиком. Он увидит врагов в тенях и сам придет ко мне за защитой.

Лиана смотрела на стакан. Белая жижа пульсировала, как живое сердце.

— А если я откажусь?

Мора улыбнулась. Это была самая страшная вещь, которую Лиана видела в своей жизни.

— Если ты откажешься, я отдам приказ об аресте Кая прямо сейчас. Его заберут из кабинета, когда он будет разбирать утренние доносы. Он не успеет даже дотянуться до своего холода. «Искры» схватят его. А ты знаешь, как «Искры»

любят допрашивать «Кремнистов». Они используют огонь. Много огня.

Она наклонилась так близко, что Лиана почувствовала запах корицы и тлена.

— Стань моими глазами в кабинете Ректора, Вейн. Или твой идеальный мужчина превратится в факел. У тебя есть время до заката.

Мора выпрямилась, поправила манжеты и направилась к двери.

— И не вздумай рассказать ему, — бросила она через плечо. — Если Кай узнает, что ты стала шпионом ради него, его гордость убьет его быстрее, чем огонь «Искр». Он возненавидит тебя за слабость. А я… я просто заберу альбом.

Дверь закрылась.

Лиана осталась одна. Она медленно повернула голову. На столе, рядом со стаканом «Паучьего молока», лежал тот самый металлический футляр с хирургическими иглами, который Кай забыл впопыхах сегодня утром.Лиана посмотрела на белую жижу. Затем на футляр. Она встала с кровати. Ее ноги не дрожали. Внутри нее всё замерзло.Она подошла к столу, взяла стакан и вылила «Паучье молоко» в цветочный горшок. Земля зашипела, и фикус мгновенно почернел, осыпавшись пеплом.Лиана взяла футляр Кая.

Она не пойдет к Ректору. Она пойдет в архивы. Если Мора знает, что Кай взял дело «Ноль», значит, Мора знает, где находится настоящий, уцелевший оригинал.Она посмотрела

на свое отражение в металлическом боку футляра. Ее глаза были не золотыми.

Они были цвета замерзшего янтаря — твердые, желтые и безжизненные.Она открыла дверь и вышла в коридор. В общежитии «Искр» было слишком жарко. Лиана плотнее запахнула халат и пошла искать холод.

Глава 14

Вишневый сок

Крыша Восточной башни была запретной зоной.

Здесь стояли антенны связи и защитные руны, которые гудели от напряжения, как растревоженный улей. Но для Риза запретные зоны были просто дверями без табличек «Вход воспрещен».

Лиана нашла его по запаху жженого сахара и по теплу, которое пробивалось сквозь ледяной ноябрьский ветер. Он сидел на самом краю парапета, свесив ноги в бездну, и пил что-то из стеклянной фляжки.

Небо над «Шафрановым шпилем» было цвета индиго, и первые, самые наглые звезды уже царапали его чернильную поверхность.

— Если Кай узнает, что я привел тебя сюда, он превратит нас в ледяные статуи и поставит у входа в качестве украшения, — сказал Риз, не оборачиваясь. Его голос звучал расслабленно, но Лиана чувствовала натянутую струну в его плечах.

— Он думает, что я сплю, — Лиана подошла ближе. Ветер трепал ее волосы, но она не чувствовала холода. После «хирургии» Кая ее внутренний термостат, казалось, сломал-

ся навсегда. — Он поставил в моей комнате датчик температуры. Если она поднимется выше десяти градусов, сработает сирена.

Риз фыркнул и протянул ей фляжку.

— Тогда пей быстро. Это вишневый сок. Настоящий. Украл с кухни.

Лиана взяла фляжку. Стекло было теплым от его рук. Она сделала глоток. Вкус взорвался на языке. Это был не просто сок. Это был концентрированный, химически чистый *красный*. Цвет жизни, который она не видела с самого детства. Сладость ударила в голову, и Лиана покачнулась, схватившись за край каменного зубца.

— Слишком сладко? — Риз наконец повернулся к ней. В сумерках его золотые глаза казались расплавленным металлом.

— Слишком… живое, — прошептала она. Она привыкла к вкусу пепла, меди и озона. Вкус вишни казался ей почти непристойным.Риз улыбнулся, но в этой улыбке не было его обычной, сияющей маски. Сегодня она была уставшей.

— Это нормально, Лин. Быть живой — это нормально.Он похлопал по камню рядом с собой. — Иди сюда. Я обещал научить тебя рисовать.

— У меня нет кистей, — Лиана села рядом, стараясь не смотреть вниз, где в темноте угадывались огни Нижнего города. — И у меня отобрали киноварь.

— Тебе не нужны кисти, — Риз поставил свою фляжку на

парапет. — У тебя есть я. И у тебя есть небо.Он протянул руку. — Магия «Искр» — это не только молнии. Это свет. А свет — это цвет. Закрой глаза.

Лиана послушалась. Она ожидала вторжения, потока чужого тепла, который Риз обычно обрушивал на нее. Но сегодня он был осторожен. Его магия коснулась ее век, как мягкое бархатное одеяло.

— Представь, что ты хочешь нарисовать линию, — его голос стал низким, вибрирующим, сливаясь с гулом рун под ногами. — Не в воздухе. Внутри себя.

Лиана сосредоточилась. Она привыкла рисовать боль — рваные, багровые нити. Но Риз просил ее нарисовать… радость. Она представила тонкую, золотую нить.

— Теперь выдохни, — прошептал он. — И открой глаза.

Лиана открыла глаза. На кончике ее указательного пальца горела капля чистого, жидкого золота. Она не обжигала. Она пульсировала в такт ее сердцу.

— Это не магия, — сказал Риз, завороженно глядя на свет. — Это просто… ты. Твоя способность чувствовать.Он достал из внутреннего кармана куртки маленький тюбик. Обычный тюбик масляной краски. Выдавил на кусок картона густую, маслянистую киноварь. Настоящую. Ту самую, из ее кошмаров.— А теперь самое интересное, — Риз взял ее руку, ту, на которой горел золотой свет. — Смешай их.

Лиана замерла.

— Если я волью это в краску… она станет нестабильной.

Она взорвется.

— Только если ты будешь толкать, — Риз поднес ее палец к алой краске. — Если ты попросишь...

Их пальцы соприкоснулись с краской. В ту же секунду мир изменился. Киноварь не взорвалась. Она запела. Золотой свет Лианы вошел в пигмент, и краска начала светиться изнутри глубоким, пульсирующим рубиновым светом. Это был не просто цвет. Это была эмоция, застывшая в масле.

— Кровь, которая греет, — выдохнула Лиана. — Не та, что льется.

Риз отпустил ее руку, но их пальцы всё еще касались светящейся краски. Он смотрел на нее так, словно видел впервые.

— Ты не сломана, — тихо сказал он. — Ты просто… хрустальная. Слишком много граней.Он наклонился ближе. Ветер трепал его белые волосы, бросая пряди на лицо.

— Можно? — спросил он, и это был первый раз, когда Риз спрашивал разрешения.Лиана не ответила. Она не могла. Ее горло перехватило. Она боялась не его. Она боялась себя. Боялась того, что произойдет, когда этот источник абсолютного, бескорыстного тепла коснется ее по-настоящему.

Он поцеловал ее.Это не было похоже на поцелуи в романах, которые Лиана читала тайком в Нижнем городе.

Это был удар.На вкус он был как сахар, вишневый сок и статическое электричество. Когда их губы соприкоснулись, магия Риза — его золотое, согревающее пламя — хлынула

в нее не потоком, а легкой, искрящейся пылью. Она осела на ее губах, на языке, проникла под кожу.Лиана вцепилась в его куртку, пытаясь удержаться на краю крыши и на краю собственного рассудка. Она закрыла глаза, целуя его в ответ, и позволила себе почувствовать.

Это было не похоже на работу с Каем. Кай забирал боль, оставляя холодную пустоту.

Риз давал тепло, заполняя каждую трещину в ее душе.

Она чувствовала себя сосудом, который впервые наполнили до краев. Ей было тесно. Ей было слишком много.Они отстранились друг от друга, тяжело дыша. Между их губами протянулась тонкая нить слюны, светящаяся в темноте рубиновым светом — они всё еще были перемазаны краской.Риз прижался лбом к ее лбу.

— Ты светишься, — прошептал он. — Вся. Как маяк.

Лиана открыла глаза. Она посмотрела на свои руки. Они больше не были бледными. Они были розовыми от тепла. Она чувствовала, как бьется ее сердце — ровно, быстро, от счастья.И в этот момент ее охватил первобытный, леденящий ужас.

Она привыкла быть оружием. Привыкла быть сосудом для агонии. Боль была понятной. Боль имела структуру. Но это… это чувство легкости, этот вкус вишни на языке, это тепло в груди — у этого не было структуры. Это был хаос.

— Я не умею быть такой, — прошептала она, и в ее голосе зазвучала паника. — Риз, я не знаю, как это… хранить. Если

я позволю себе быть счастливой, я… я растекусь. Меня не станет.

Риз взял ее лицо в свои ладони, его кожа всё еще излучала мягкое золото.

— Лин, — мягко сказал он. — Счастье — это не бомба. Оно не взрывается. Оно просто… горит.Он стер большим пальцем киноварь с ее нижней губы. — Позволь мне подержать этот огонь для тебя, пока ты не привыкнешь.

Лиана смотрела в его золотые глаза и понимала страшную, разрушительную вещь. Кай учил ее выживать. Риз учил ее жить. И второе пугало ее гораздо сильнее, чем первое.Где-то внизу, в «Платиновом шпиле», Кай, наверное, смотрел на свой датчик температуры и хмурился, видя, как ртуть ползет вверх. Лиана улыбнулась этой мысли — впервые искренне — и крепче сжала руку Риза, пытаясь заземлиться в его тепле, прежде чем ветер с крыши сдует ее окончательно.

Глава 15

Ловушка для ректора

Кабинет ректора на самом верхнем ярусе «Платинового шпиля» пах старым деревом, дорогим табаком и страхом. Это был сухой, пыльный страх — страх человека, который слишком долго сидел на вершине и боится падения. Лиана чувствовала его запах, едва переступив порог.

Мора прислала за ней посыльного с лаконичной запиской: «Студентка Вейн. Кабинет ректора. 14:00. Вы нужны Короне».

Ректор, господин Эмброуз, сидел за массивным столом из черного дуба. Он выглядел уставшим. Его аура, которую Лиана теперь видела постоянно, была цвета застиранного льна — блеклая, серая, прошитая тонкими, дрожащими нитями тревоги.

— Студентка Вейн, — он указал на кресло для посетителей, не поднимая глаз от бумаг. — Садитесь. Я ознакомился с вашим отчетом по инциденту в Западной башне. Мора… Магистр Вейн… очень высоко оценила вашу находчивость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.